ИСААК ВАЙНБЕРГ
ОТМОРОЗОК ЧАН 2
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Исаак Вайнберг
Отморозок Чан 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67114008
SelfPub; 2023

Аннотация

Окончание истории отмороженного китайца, который на самом деле даже и не китаец, но ему это, кажется всё равно. Ещё больше убийств с сомнительной мотивацией и однообразной ругани. Вирус РПГ продолжает сводить людей с ума коллективными галлюцинациями, вынуждая творить совершенно безумные вещи, в то время как Чан творит совершенно безумные вещи и без помощи вируса.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава Б1. Добрая бабуля 4
Глава Б2. И снова сапоги 18
Глава Б3. Чертоги с сосисками 35
Глава Б4. Язык мой враг 46
Глава Б5. Сытый дед 59
Глава Б6. Кровь и роботы 71
Глава Б7. Обезьяновый двигатель 82
Глава Б8. Банановый домофон 93
Глава А1. Шестое чувство 105
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Исаак Вайнберг
Отморозок Чан 2

Глава Б1. Добрая бабуля

Голова болит – ёбнись. Яркий солнечный свет хуячит так нещадно, что глаза открывать совершенно взапиздь, то есть неохота, потому что даже через закрытые веки адские лучи сверлят моё правое полушарие где-то в районе виска с такой яростью, что страшно даже подумать, что они сделают с моей башкой, откажись я от защиты своих храбрых кожаных век.

Взапиздь… И где ятакое слово-то, блять, изучил? Уж точно не в университете, потому что в университете я нихуя не учился. Но слово явно какое-то академическое, выёбистое такое, интеллигентное. Вот сказал его, а точнее подумал, и сразу перед глазами образ: просторная гостиная, в камине трещат поленья, Фёдор Михайлович сидит в кресле, ноги укрыты шерстяным пледом, пьёт чай из фарфоровой чашки. К нему подходит Тамара Васильевна, его экономка, и спрашивает: "Фёдор Михайлович, не изволите ли обсудить бюджет?", а он отвечает ей спокойно, по-царски: "Взапиздь твой бюджет, Тамара Васильевна – я пью чай".

Да уж, слово явно заумное, непонятно, где я его откопал

в этом деградирующем мире, в котором более уместно слово "ебаный пиздец", что по сути своей является не словом, а словосочетанием, но в современной реальности это несущественная разница, потому что в ней уже мало кто знает, чем отличается слово от словосочетания, что, собственно, и приводит к мысли о неуместности этого выёбистого слова "взапиздь": оно тут, как белый голубь на куче коровьего говна. Короче, блять, чувствуется в этом какая-то зловещая тайна, которая поглощает меня всё больше, и, кажется, я теперь знаю, чем мне предстоит заниматься всю оставшуюся… Стоп!

Какая нахуй "взапиздь"?? Какая нахуй тайна?? СВЕТ! Мне веки прожигает ёбаный СОЛНЕЧНЫЙ свет! Думаю, это куда более важная тема для размышлений. Хули тут делает ебучее солнце? Я же был под землёй. Вроде…

Так, надо срочно вспомнить свою нелегкую жизнь и понять, как так получилось, что у меня болит башка. Активирую режим воспоминаний.

Помню тоннели метро, помню капитана с его дебильной манерой ругаться, словно он персонаж ебучих детских мультиков, помню наши приключения, которые можно смело называть "удивительными", потому что каждый новый день, а иногда и каждый новый час, я удивлялся всё сильнее обостряющемуся долбоебизму капитана, из-за которого мы оказывались то в окружении пизданутых спартанцев с бесконечными обоймами в автоматах, то по колено в дерьме под

дождём из самоубийц, возомнивших себя птицами-мутантами, а в конце наших замечательных путешествий нам даже "подфартило" убегать от гигантской тефтели из людей, что я считаю самым вопиющим доказательством величия стратегических талантов капитана и его беспрецедентных умений не попадать в хуёвые ситуации. Ну а закономерным итогом приключений под командованием капитана-долбоёба стала… Смерть…

Точно! Нас убил ебучий Счетовод! "Четырнадцать", "пятьдесят восемь", "триста девяносто". Хуй знает, что он там высчитывал, наверное, тактические проёбы капитаном, но по итогам расчётов он от всей души прописал мне в ебальник, видимо, в сумраке перепутав с кэпом.

Короче, получается, что я умер. Спасибо, капитан. Не скажу, что удивлён, но какой-то неприятный осадочек, небольшая обида, чувство, что ты мог бы хоть чуть-чуть постараться не приводить нас к смерти – остались. Жаль, конечно, что я умер, а то спросил бы тебя, капитан, уверен ли ты, что не проебался с выбором профессии? Точно не стоило пойти в балетное училище, а не выбирать специальность, подразумевающую ответственность за жизни людей? Хотя, ты, сука, и на должности театральной балерины умудрился бы проебаться как минимум так, что умерла бы половина населения планеты.

Хотя стоп. Может быть, я рано ругаюсь на капитана? Не очень-то я похож на мёртвого. Я, конечно, не бывал мёрт-

вым раньше, но сомневаюсь, что они, покойнички, могут так потрясающе ясно мыслить, да ещё и фонтанировать при этом блестящим, утончённым, постапокалиптическим сарказмом. Видимо, "счетовод" не убил меня, а просто вырубил, а затем вытащил на поверхность, чтобы трахнуть на свежем воздухе, что объясняет наличие яркого дневного освещения.

Но откуда тогда все эти голоса? Зрители? Он решил обесчестить меня прилюдно?Понятно, значит дело не в свежем воздухе, а в ёбаном тщеславии: "Посмотрите, кого я вырубил и сейчас трахну! Легенду Метро! Величайшего воина подземелий! Никто никогда не побеждал его в бою, но я смог! Подкрался к нему, как ёбаная крыса, отвлёк математикой и, когда он потерял бдительность, как последняя бесчестная мразь, исподтишка засадил ему с локтя в ебососину".

Что ж, у меня для тебя плохие новости, "Калькулятор": как только я закончу с размышлениями, ты пожалеешь, что не убил меня, пока у тебя была такая возможность. Я устрою тебе апокалипсис: смертоносный ливень из сокрушительных ударов по ебальнику с двух рук и двух ног, которые я буду наносить с такой скоростью, что они сольются в один единственный удар длиною в остаток твоей жалкой жизни, в конце которой тебя ждёт смерть от бесчисленного множества ужасающих травм. Короче, Счетовод, твои зрители пока не знают, что на самом деле пришли посмотреть, не как ты обесчестишь моё бездыханное тело, а как я отхуярю тебя насмерть…

Кстати, о зрителях. Как-то близко их голоса звучат. Странно… Кто-то вон шуршит фантиком прямо у меня под ухом – видимо, решил заточить чипсаков, пока "Счетовод" разминается. Хотя чего тут странного? Может, это очень маленький стадион, типа пять на пять метров, чисто для проведения соревнований по шахматам. А что? Их один хуй придёт смотреть максимум шесть человек, а игрокам хватит и метра, чтобы разместиться со своей ебучей доской, особенно если будут играть стоя, а один из них будет держать на руке "походные" шахматы. Соревнования по шахматам вряд ли приносят много денег организаторам, а тут тебе и экономия на площади и экономия на свете… Сука, я ещё и экономистом стал нехуёвым, откуда во мне столько новых талантов?

Короче, стадион пять на пять – это вполне себе не тупорылая теория – возможно, я действительно сейчас на нём. Хотя… Как-то глухо голоса звучат, непохоже, что мы под открытым небом…

Блять, да заебали эти шарады!

Я со скрипом поднял "кожаные затворки". Свет потоком хлынул в недра глазных яблок, впился в зрительные нервы и по ним моментально попал прямо в мозг. Я ожидал услышать глухой хлопок, с которым лопнет моя башка, когда свет, словно пламя по фитилю, дойдёт до мозга, но, как ни странно, моя головная боль не только не усилилась, но и попустила.

"Попустила", блять… "Зрительные нервы", блять… Да

что со мной? Больно вычурно я стал базарить… Судя по всему, по ебалу я получил от какого-то профессора.

Ладно, надо оглядеться по-быстрому.

Так бля… Сижу в автобусе на пассажирском кресле (том, которое ближе к проходу), примерно в середине салона. На сидении рядом со мной горой свалены различные сумки (явно не мои, уж слишком дохуя на них цветочков и всяких гейских значков с животными). На полу, под моими ногами, в мерзкой зеленоватой жиже плавает всякий мусор, валяются какие-то разбитые склянки, пакет из-под чипсов и сами чипсы, бутылка с водой, фантики из-под шоколадок и промокшая тетрадка.

Короче, это явно не моё место – тут, походу, ехала какая-то запредельно охуевшая свинья.

Ёб твою мать… Во что я вообще одет??

Только сейчас я обратил внимание на резиновые тапки на своих босых ногах и синие треники с петличками под пятку…

А где мой обрез?? Где все мои пушки-то, ебаный твой рот??!

Я принялся обстукивать карманы, затем проверил подмышками, даже под задницей посмотрел. Нету…

Пришлось обыскать «цветочные» сумки, – мало ли всё-таки мои, ведь раз уж я нарядился в треники с петличками, так хули бы не обхуячить свои сумки значками с котятами, терять-то уже нечего. Внутри сумок были тряпки, игрушки,

книжки, кружки, хуюжки и другое нахуй ненужное дерьмо…

Вот сууука, блять…

Ситуация, скажем прямо, "Лучше б я всё-таки сдох": одет как чмо, безоружен как чмо, ещё и весь в мусоре сижу как чмо, притом ебаное. Может, я в ад попал? Очень на то похоже, хотя не хватает прищепок с разноцветными кисточками на сосках и той длинной истории капитана, которую он при первой нашей встрече рассказывал, только по кругу повторяющейся, и чтобы я её никак остановить не мог.

Ладно, надо думать, как выбираться из того дерьма, в котором я, кажется, по самый нос утонул. Огляделся повнимательнее. В салоне старенького подразъёбанного вида автобуса «фулхаус»: бабы, мужики, дети, старики, все в гражданских обносках, подобранных по принципу «лишь бы потеплей», и все пиздят без умолку. Разговоры походу праздные: трут без дела, ни о чём особо не переживая. Оружия нет, во всяком случае на виду. Короче, точно не бойцы – "крестьяне".

Все багажные полки забиты сумками, коробками, шмотьем обвязанным бечёвкой, некоторые пассажирские места тоже завалены вещами. В воздухе пахнет затхлым потом и гарью, словно где-то жгут костер. Пиздец, короче, полный: походу какой-то колхоз переезжает. Как я вписался в эту мудоёбскую компанию – нихуя непонятно…

И где мы вообще, блять? Выглянул в окно.

Стоим. Небо затянуто серыми тучами, вокруг лес…

– Милочек, не поможешь старушке, а?

Повернул голову. Напротив меня, с другой стороны прохода, сидит жирноватая бабуля, завёрнутая в старый грязный ватник. Она тыкает в мою сторону каким-то шоколадным батончиком в пёстрой упаковке.

– Руки совсем уже не слушаются, да и зубов нет. Никак с упаковкой не управлюсь. Помоги, ради Христа, а то ж я так с голоду помру совсем…

Несколько секунд, нахмурив ебяку, смотрел на старушку, прикидывая, не охуела ли она.

– Ну, только если ради Христа, бабуся… – взял батончик, с ловкостью бывалого спецназёра разорвал упаковку, словно жопу врагу, и встал со своего места.

– Вот спасибо тебе, внучок! Так помог, такой доб…

– Да не за что, бабуль, – отмахнулся я, откусывая кусок сладкого шоколада с нугой и пробираясь к переднему выходу.

– Ой, да я ж просто открыть просила, родненький! – разволновалась бабуля.

– Тефе стофа флавково веедно, маазь… – не оборачиваясь, поднял вверх средний палец, чтобы ей было хорошо видно, на случай если она плохо слышит, у бабули возраст всё-таки.

Не обращая внимания на её дальнейшие причитания, – уже поздно передумывать со мной делиться, – добрался до двери. Он была открыта, но на лестнице сидел какой-то пиз-

дюк в наушниках, перекрывая выход. На спине спортивной куртки личинки (десять-двенадцать лет – максимум) был нарисован пёс бойцовской породы. Опасный походу поц…

– Съебал нахуй, – буркнул я, ударом сапога отправляя пиздюка в полёт на улицу.

Шкет ёбнулся на асфальт с жалобным "Ай!". Наушники улетели в сторону.

– Вы чего творите, мужчина?! – возмутилась какая-то баба. – Это же ребёнок!

– Так пусть воздухом свежим дышит. И сама вылазь давай. Глянь, погода какая на улице – ебанёшься…

Не дожидаясь новых возмущений, спустился по ступенькам, прошёл по спине ещё раз жалобно крякнувшего пиздюка, с хрустом раздавил его наушники и сделал медленный глубокий вдох.

Чёт горит…

Метнул остатки батончика в ближайшие кусты и огляделся по сторонам, думая при этом, что стоит уже завязывать постоянно оглядываться, пока люди не решили, что я что-то спиздил и теперь на измене.

Автобус стоит посреди разбитой дороги. Вокруг лес. Далеко позади над деревьями поднимается тёмная стена дыма. На капоте автобуса валяется дерево, а точнее несколько его здоровенных веток – само дерево лежит чуть дальше, преграждая дорогу.

Неспешно обошёл густую крону сибирской сосны, или ду-

ба, или берёзы (не ебу, если честно). С другой стороны дерева обнаружил троих мужиков, с усердием пиливших ствол какими-то жалкого вида металлическими пилами, какими лично я бы не рискнул и колбасу копчёную резать…

– Слышь, ебло, чё тут случилось? – поинтересовался у одного из мужиков: жирновастого усатого полу-хряка в драной тельняшке и мешковатых штанах цвета хаки.

– А ты головой подумай, Эйнштейн, – грубо предложил хряк, не поднимая на меня глаз. – На что похоже?

Концы его дебильных длинных усов качались из стороны в сторону в такт движениям пилы в руке. Так и хотелось схватить его за эти ебланические косички руками и уебать с колена в пятачину…

– На то, как я в третьем классе вместе с друзьями пытался трахнуть твою толстожопую мамашу? – предположил я, ещё раз оценив взглядом, как они в три рыла, охая и обливаясь потом, усердно пилят здоровенное дерево маленькими пилками.

– Ты, сука, совсем охуел что ли?! – полу-хряк выпрямился и нацелил на меня свои злобные зенки. Дебильные усы недовольно покачивались, явно разделяя чувства хозяина. – Ты чё городишь-то??

– Да ладно, я ж пошутил просто, пирожочек, – поднял ладони в примирительном жесте. – Не напрягайся. Ничего у меня с твоей мамкой не было. Я и в школе-то не учился. Занимайся в общем – не буду тебя отвлекать. Хотя… Ты же

понимаешь, что этими ножичками придётся лет триста здоровенное дерево пилить? Может, лучше подождать. пока его черви пожрут, да муравьи растащат? Мне кажется, быстрее получится…

– Слушай, мужик, уйди уже отсюда, от греха подальше, – лицо хряка раскраснелось от гнева, а усы, кажется, стали ещё длиннее и уёбищнее.

Отложив пилу, ко мне подошёл другой лесоруб: тощий старикан с жиденькой бородой, в спортивных штанах, кожаной куртке на голое тело и серой шерстяной шапке на голове. Он встал между мной и своим агрессивным другом. Как раз вовремя, потому что я уже собирался активировать режим хищника и с жутким воплем разорвать усатую залупу пополам:

– Сынок, там впереди деревня будет, километрах в пяти – может, пешком дойдёшь? – предложил он. Добро так, по-отечески, положив руку мне на плечо.

– Батя, а может, ты клешню уберёшь, пока я тебе её в жопу не засунул и через рот не вытащил, что б тебе язык удобнее было ладошкой тормозить, когда в следующий раз задумаешь мне советы давать?

Старик спешно убрал руку.

– Ты чё, Хоттабыч, не видишь, с кем разговариваешь вообще?? – продолжил давить я, жестом пригласив осмотреть меня с ног до головы. – Я спецназёр, ебанько. Людей каждый день убиваю, причём чаще по-приколу.

Старик осмотрел меня с каким-то скепсисом. Сначала я прицелился въёбать ему с ноги в кадык, чтобы развеять сомнения, но потом вспомнил, как одет. Сука, я же не в своей снаряге: ни разгрузки козырной, ни выёбистой прыжковой формы, ни щербатых стволов в потёртых кобурах. На мне ебучие треники, тапки и растянутая майка. Короче, скорее на перепившего палёной водки соседа похож, доебавшегося с охуенно приукрашенными байками о былой службе в охране семейного кафе на Советской станции, где из оружия выдавали сухую берёзовую ветку да ебучий свисток.

– Я на отдыхе, если что… – попытался объясниться я, отведя взгляд в сторону. – Форму свою военную, распиздатую, перепачкал кишками одной компании шумной, которая спать мешала. На стирке она, короче… Переоделся вот, временно… во что было. Ты пойми, отец, я обычно так не одеваюсь, ясен хуй, но жена вот проебала чемодан с вещами запасными… Пришлось… Да чё я перед вами тут оправдываюсь вообще??? Оделся во что оделся, блять! Вас ебать не должно. Чё ты, дед, хотел, короче? По ебалу? Или ножом в печень?

Дедок отступился на шаг, хотя вид у него был не особо испуганный: видимо, история моя про форму на стирке не зашла. В общем, до конца старикан не поверил, но на всякий случай отступил: иногда и пиздабол не врёт.

– Послушай, сынок, я всё вижу, всё понимаю: ты устал, дорога долгая, поломка эта ещё, нервы как струны натянуты,

вот и ищешь на кого злость выместить. Но мужики ведь в том же положении, да только конфликтов не провоцируют, а пытаются как-то ситуацию разрешить – путь освобождают. Они тебе ничего плохого ведь не сделали, правда? Так ты это, ступай ради бога, а? Старики сами пять километров не протопают, а ты-то явно сдюжишь – мужик-то, вижу, крепкий… Может, кого на помощь нам позовёшь, с инструментом посерьёзней…

Я задумчиво посмотрел на дымящийся горизонт. Леса горят – бля буду. И если эти супчики не успеют убрать ебаное дерево до того, как сюда придёт огонь – мне пиздец, потому что пожар лесной, наверняка, хуй пешкомобгонишь, тем более в резиновых тапках…

Всё так же задумчиво глянул на «ножичек», зажатый в руке хряка, а потом на тот, который оставил лежать на стволе дерева старикан…

Да – они точно не успеют…

– А ты, папуля, не помнишь, как я в этот автобус вообще попал?

– Так же, как и все мы, должно быть. Бежал от тварей.

– И куда же мы все бежим от тварей?

– В лесную деревню отца Анатолия и его товарищей. Там тварей нет совсем. Жить можно спокойно…

– Отец Анатолий, говоришь… – задумчиво почесал подбородок. – Где тут у вас пушки лежат и хавчик, не подскажешь? Ты не подумай, я посмотреть только…

– Так нет у нас оружия же, – нахмурился старикан. – Беженцам строго настрого запрещено его с собой брать. Все вещи перед посадкой досматривали, ты забыл, что ли? А про еду у людей в салоне поспрашивай – обязательно кто-нибудь поделится, тут народ хороший, добрый.

– Да поделилась уже старушка одна…

Значит пушек нет… Хуёво. Хотя, может, старикан и напиздел…

Да нет, по глазам вижу, что не врёт морщинистая рожа, нет у них оружия.

– Ладно, батя, пойду я, – снисходительно похлопал его по щеке. – Но смотри… Чтобы не халтурили тут без меня: пилите как следует, как для себя.

Уже почти начав съёбывать отсюда, я не выдержал и обратился к полухряку:

– Слышь, жирный, сбрей эти усы к хуям, пока тебе кто-нибудь за них ебальник не разбил. Это повезло тебе, что я такой терпимый попался…

Возвращаться за вещами в автобус не стал. Во-первых, хуй знает, где там мои вещи лежат, а во-вторых, если среди них моего оружия нет, то нахуй они мне, вещие такие, нужны. А, есть ещё и в-третьих: один хуй автобус рано или поздно мои вещи в деревню отца Анатолия подвезёт – так нахуя напрягаться? Короче, побрёл налегке.

Глава Б2. И снова сапоги

Не знаю, сколько хуячил по этой ебучей дороге в этих злоебучих резиновых тапках, но успел уже раз пять пожалеть, что не остался у автобуса вместе с другими долбоёбами пилить упавший дуб хлебным ножом.

Сраные тапки постоянно слетали с ног, пяткираздирались об асфальт, резиновые петли натерли между пальцами кровавые мозоли. Бля буду: кого угодно убил бы сейчас за пару нормальных сапог…

Посмотрел на небо: тусклое солнце уже клонилось к закату, нависая над дорогой, теряющейся за горизонтом.

За спиной раздался треск. Обернулся назад, приготовясь отбиваться от дикого гуся с раздроченным еблаком, зажатым между крыльев, спутавшего скрип моих ебучих кожаных тапок с возбуждённым брачным призывом гусиной самки и прибежавшим ебаться.

Но гуся за спиной не было. Передо мной стелился длинный просторный коридор: побитый кафельный пол; толстые ржавые трубы, идущие по пожелтевшему от сырости потолку; по сторонам – шпаклёванные гипсокартонные стены, которые никто не удосужился покрасить, и светлые деревянные двери, установленные по обе стороны коридора через каждые несколько метров.

– В сторону, мужик! – грубо пихнул меня кто-то, оттолкнув к стене. Мимо прошагала компактная стрелковая установка с оператором, облачённым в чёрную броню. Проходя мимо, оператор на мгновение повернул голову в мою сторону. Лицо защищала чёрная маска с нарисованной на ней белой угловатой козьей мордой. Из сурового вида глазных прорезей тускло светило синим светом.

Шаговая машина: по сути тяжёлый пулемёт, защищённый многослойным полимерным прозрачным щитом и имеющий две механические ноги. Такая херовина шла, повинуясь рукам оператора, ведущего её за две рукояти: она чутко реагировала на все его движения и могла не только развивать скорость вплоть до скорости человеческого бега, но и круто разворачиваться на месте, приседать, подниматься по ступеням и даже переходить в режим тарана, чтобы выносить запертые двери.

Шаговая машина, ведомая оператором, ушла вперёд метров на семь. Из глаз оператора ударил яркий синий свет. Он провёл взглядом по левой стене коридора, а затем, развернувшись, просканировал стену справа. Наконец он повернулся в мою сторону и стал разъяснять ситуацию специальными жестами.

Хер знает, зачем он это делал: понял только, что справа за стеной, походу, прячется двадцать два человека, а слева – восемь. Что мне делать с этой информацией? Заказать на всех хавчик с доставкой?

В следующий миг моя голова чуть не взорвалась к ебеням. Этот мудак начал потрошить стену одной бесконечной очередью, ведя стволом из конца в конец. Почему-то в этот момент мне вспомнились "Спартанцы", обстреливающие поселение огородников. Двери разрывало в щепки, стены – в труху и пыль, и эта пыль быстро залила коридор. Так быстро, что уже через мгновение сквозь её плотные облака я видел лишь вытянутое дульное пламя неустаннохуячевшего пулемёта.

Закашлявшись, я отвернулся. За моей спиной сквозь серый туман на меня смотрели десятки синих глаз… Пыль хлынула в мои лёгкие, дышать было невозможно, я начал задыхаться, упал на колени, а потом и вовсе распластался на полу. По моей спине стучала цементная крошка, в ушах шипело. Я попытался вдохнуть: не получилось.

Нужно свалить отсюда нахер…

Резко оттолкнулся руками от пола, открыл глаза и увидел своё лицо. Густая чёрная борода, раскосые глаза, длинные волосы, мокрыми прядями свисающие вниз. Охуенный китаец…

Это было отражение… Моё отражение в ёбаной луже, над которой я стоял в позе «упал-отжался». Вокруг шипел дождь, а по моей спине стучали тяжёлые капли.

Принялся откашливать воду, которой успел наглотаться из лужи.

Вдоволь накряхтевшись, сел на жопу. Вокруг были всё те же пейзажи: лес и дорога.

Светало… Я что, провалялся тут всю ночь? Походу да. Видимо, споткнулся, уебался башкой в асфальт и уснул. Оно и немудрено, – уебаться в смысле, – в таких-то тапках. С ненавистью посмотрел на них: мерзкие резиновые хуесосы валялись в шаге от меня, злорадно улыбаясь своими ебучими петличками. Схватил одного и принялся яростно хуячить об асфальт, периодически поглядывая на второго: пусть смотрит, пусть видит, как страдает его охуевший дружок…

– Ну и кто тут теперь, блять, смеётся?? Кому тут, сука, смешно? А??? Что не смеёшься?? Не смешно нихуя стало??? Иди сюда!

Схватил второй тапок и принялся хуярить об асфальт уже обоими, словно обезьяна пойманными белками.

Отхуярив обоих как следует, натянул на ноги. Пидорасы жалобно скрипнули. То-то же, блять… Теперь можно и подумать, что тут произошло. И я не про избиение тапок: оно может кому-то и могло показаться странным, но только потому, что этот кто-то никогда, блять, не подвергался насмешкам ёбаной обуви. Это обидно. А подумать я хотел о другой ситуации: что это меня вдруг приглючило? Коридор какой-то, пулемёт…

Походу пока я тут "отдыхал", начался дождь, вода натекла в углубление, под ебальник, а когда стало заливать сопла, я и проснулся с перепугу. Инстинкт самосохранения, ебать его в сраку.

Вот и подумали, хули. Ладно, некогда тут рассиживаться:

надо как можно быстрее добраться до деревни и заточить чего-нибудь: есть хочу – умираю.

Поднялся на ноги, размял затёкшие мышцы, с отвращением посмотрел на свою пристыженную обувку и поплелся дальше, скрипя при каждом шаге как еблан.

Кажется, старик меня наебал-таки… Пидорас. «Километров пять» я прошёл ещё до того, как устал и устроил незапланированный привал на обочине, а после незапланированного привала я прошёл ещё столько же, если не больше, и никакой деревни…

Ну, хуесос старый… Если до вечера так и не встречу ничего похожего на деревню – вернусь обратно к автобусу и проволоку тебя на твоём очке по асфальту все эти "километров пять", слушая твои вопли как радио…

Насладиться визуализацией наказания охуевшего старика-пиздабола в своём воображении я не успел: заметил вдалеке две фигуры. Они хуячили от горизонта мне навстречу.

Первая, блять, хорошая новость за сегодня… Хотя, может, и не очень хорошая: люди в наше непростое время редко бывают "хорошей новостью", потому что, хуй его знает, что им под "РПГ" приглючить может: решат, блять, что ты тёлка, которая трахнуть её умоляет в два смычка, и всё – ты участник забега, в котором лишь первое место обеспечит целомудрие твоего и без того настрадавшегося китайского очка…

Как-то пидорно звучало. "И без того настрадавшегося очка" – сказал тоже… Настрадавшегося не в гейском смысле, а в библейском. То есть уставшем от мирских треволнений вместе со всем остальным телом. Заебалось очко моё сжиматься от ужаса, если коротко, в этом к хуям пизданувшемся мире, где бал правит жестокость, несправедливость и непосильные лишения.

Короче, ебаться с мужиками на безлюдной дороге (да и вообще в любой другой локации), – это точно не лучшая идея для постапокалиптического досуга. То есть не "не лучшая", а вообще, блять, самая худшая из всех возможных идей для постапокалиптического досуга. Во всяком случае для меня. Будь со мной капитан, он наверняка имел бы совершенно другое мнение по этому вопросу. Но капитана голубиной фермы, слава богу, со мной не было, так что ябыстро и решительносошёл с дороги и сныкался в кустах, спасая своё очко от гипотетического надругательства.

Фигуры приближались, я уже слышал их голоса: мужской рассказывал хуёвые шутки столетней выдержки, а девчачий хихикал так, словно эти шутки были смешными. Когда голубочки оказались совсем близко, я выглянул из кустов.

По дороге шёл кабанистого вида мужик в охотничьем комбезе и резиновых сапогах, девчонка же оказалась не девчонкой, а шпаловидным подростом в таком же комбезе, что и у кабана, а вот на ногах молодого были не резиновые сапоги, а довольно сносные армейские ботинки…

У обоих за спинами висели ружья, а у кабанистого мужика на поясе примастырены ножны, из которых торчала деревянная рукоять, а рядом – затасканная кобура с пистолетом, который любой уважающий себя бандит узнает с одного взгляда: «Император».

Эта мразь – самый уёбищный пистолет в мире, и, я уверен, величайший позор Империи, хуй знает каким образом попавший когда-то в серийное производство. Интересен он был тем, что в отличие от нормальных пистолетов, в него отдельно заряжался порох и пули. В теории это должно было увеличить объём магазина до охуевших пятидесяти снарядов без особой потери в компактности, и по факту этой цели достигнуть удалось. Но какой, блять, ценой?

Первым его достоинством была хуёвая герметизация многоразовой гильзы при заряде пули, из-за которой поражающая способность последней иногда могла достичь поражающей способности брошенной вам в спину бродягой пивной банки, что не сильно повышало ваши шансы на победу во внезапной пьяной перестрелке в баре, когда первый выстрел часто становится единственным. Вторым успехом инженеров, истекающим из первого, стала кривая автоматическая установка пули, способная понизить точность настолько, что, потеряв любимую работу и решив по этому случаю вышибить себе мозги из "Императора", вы могли случайно застрелить мамулю, спящую в соседней комнате, причём пуля прошла бы не по прямой траектории, через стену, а по-

крутилась бы сначала по комнате, съебала в коридор, пролетела под дверью и только затем убила бы вашу дражайшую мамку. Ну а вишенкой на торте стал ёбаный пороховой-кейс, который мог случайно детонировать при выстреле, оторвав вам руки и половину ебальника.

«Императора» выпускали в обеих частях Империи, и, если вам повезло, и вы получили китайский экземплярчик, то шансы погибнуть при выстреле с "Императором" у вас примерно пятьдесят на пятьдесят, вне зависимости от того вы из этой хуйни стреляете или в вас. А вот если вам попался ствол, сошедший с российских конвейеров, то шансы выжить остаются только у того, в кого стреляют, причём шансы, стремящиеся к ста процентам.

Короче, нет ничего удивительного, что "Императора" в народе куда чаще называют "Еблан", в честь человека, решившего из него пострелять. А ещё благодаря нему появилась поговорка: "Императору неважно, в кого ты целишься" – так говорили, когда ты хотел навредить кому-то, а в итоге навредил сам себе.

Ладно, некогда мне тут размышлениям придаваться – надо догонять охотников, пока совсем далеко не ушли.

Выбравшись из кустов, я поспешил вслед за ними.

– Эй, бродяги! – крикнул им в спины, когда оказался метрах в десяти. – Вы случайно не из деревни отца Анатолия?

Малец аж подпрыгнул от неожиданности. Через секунду оба обернулись на меня с удивлённымиебальниками.

– Оттуда, – кивнул кабанистый мужик, внимательно оглядывая меня с ног до головы. – А вы…

– А я из автобуса, – ответил я, остановившись меньше чем в полуметре от него и явно вторгнувшись в личное пространство. – Мы как могли к вам спешили, рассчитывали уже вчера вечером похрючить на нормальных кроватях в хорошо проветриваемых помещениях, а то поверьте – спать с полусотней пердящих стариков и детей в непроветриваемом автобусе – то ещё удовольствие. Но примерно в пяти километрах от вас, хотя по ощущениям в пятидесяти, на нас дерево ёбнулось. На автобус в смысле. Короче, меня за помощью послали, если коротко. Кстати, естьбритва, или машинка для стрижки или хотя бы зажигалка?

– О господи ты боже… – мужик перекрестился. Малец, бросив взгляд на отца, поспешил перекреститься тоже. – Потери есть?

– Да не, – махнул рукой. – Одну бабку раздавило, но её особо никто и не любил, так что мы это в приобретения записали, а не в потери. А вот дерево убрать сил не хватает. Ну или ума. Деревня-то где ваша? Далеко?

– Рядом. Не больше километра. А зачем вам бритва нужна?

– Да хочу жиробасу одному усы сбрить – бесячие, пиздец. Но это потом – просто к слову пришлось. Сейчас надо с деревом разобраться побыстрей, пока они там все ножи не затупили: хуй потом колбасу чем порежешь.

– Вы не беспокойтесь, мы вас в деревню сейчас проводим, и с деревом тоже поможем. Правда, у нас в деревне беда преклю…

– Да я сам дойду, бродяга, не парься, – перебил его я и кивнул на пацана. – Это сын твой?

– Да, – он взял пиздюка за плечо. – Славка…

– Здоровый, – кивнул я, оценивая. – Какой размер?

– Чего? – нахмурился батя.

– Не тупи, блять. Размер ноги у него какой, ёбт.

– Сорок второй…

– Как раз…

– Что как ра…?

Я сделал шаг, выбросил левую руку вперёд, ловким движением скинул застёжку с кобуры, вынул ствол, пока вёл вверх, развернул, большим пальцем снял с предохранителя, упёр ствол под подбородок мужика и нажал на спусковой крючок.

Раздался щелчок. Осечка…

Сука, блять, ебаная… Я ж говорил: говно ебучее, а не ствол…

Не успел я удивиться той нечеловеческой ловкости и скорости, с которой завладел оружием этого деревенского хуесоса, и вдоволь наогорчаться досадной осечке, как получил кулаком в ебальник. Хорошо так – от души.

Отшатнулся. Мужик вцепился в мою руку, державшую его ствол (в смысле пистолет державшую, а не хер).

– Ты что творишь!?!?– проревел он, выпучив глаза.

Вместо ответа дёрнул его на себя и мотнул головой. Удар моей башки его не успокоил, а вот нож, который я успел выхватить из его ножен и которым ударил в бочину – прыти поубавил явно.

По его ещё больше округлившимся глазам стало ясно: мужик понял, что ему пиздец…

– БЕГИ, СЫНОК!!! – завопил он. – БЕГИ С..ХРЛПЛХМЛПМКАЛ!

Голос мужика утонул в бурлящей в горле крови, когда я ударил его ножом в шею. Я ударил ещё дважды. Кровь фонтанами била из прорезанной артерии. Руки кабана на мгновение сильно стиснули мою кисть, а затем обмякли.

Плечом оттолкнул мужика – он тряпичной куклой (или мешком с говном – кому как нравится) рухнул на землю.

Круто развернулся. Пиздюк успел отбежать лишь метров на пять, видимо, последовал рекомендации отца, только когда убедился, что ему стопудово пиздец. Странно, кстати, что он не решил воспользоваться ружьём… Видать, бородатые анекдоты бати ему слушать хотелось куда меньше, чем сохранить патроны, в смысле что не любил он своего батю нихуя… Бессердечный ублюдок.

Оценив траекторию побега Славика, метнул нож ему вдогонку.

Нож с глухим ударом воткнулся в затылок пацана. Голова мотнулась вперёд, он потерял равновесие, в раскоряку про-

бежал ещё несколько метров, и, выставив перед собой руки, рухнул на асфальт.

Но пацан явно был не из тех, кто привык сдаваться, так что пополз вперед. Рукоять ножа торчала из его башки словно плавник акулы…

Я пустился в погоню… То есть неспешно побрел следом, потому что полз пацан, не сильно усердствуя: видимо, сохранял силы на то, чтобы мужественно не обосраться после того, как я его убью.

Пиздюк прополз уже больше двадцати метров и судя по всему был полон решимости доползти-таки до деревни и ударить в тревожный колокол, так что мне пришлось вмешаться. Я наступил ему на спину, придавив к земле.

– Прости пацан, но жизнь мужчины состоит не из одних лишь побед…

Я оценивающе посмотрел на пистолет, зажатый в моей руке. Вынул магазин. Полный. Вынул пороховой-кейс. Тоже полный. Задумался…

Нет… Ну его нахуй… Второй раз я рисковать жизнью не стану…

Ухватившись за ствол, я склонился над пацаном и нанес несколько десятков ударов тяжелойстальной рукоятью в область виска, размозживбедолаге череп.

Убедившись, что пацан точно умер, – для этого я вырвал нож из его затылка и "контрольно" перерезал горло, – взял его за руки и спешно, пока кто-нибудь ещё не поебашил по

дороге и не спалил моё преступление, поволок прочь с дороги. Протащив тело пару метров, заметил, как его ботинки трутся носами об асфальт. Остановился. Сердце сжалось. Это не дело.

Схватив паренька теперь уже за ноги, я продолжил тащить его к обочине. От мерзкого скрипа его переносицы об асфальт у меня сводило скулы. Но что поделать: лучше так чем попортить нормальные ботинки…

Хотя, может стоило их сразу снять? Да, похуй уже…

Стащив с дороги оба тела и их ружья, – которые оказались незаряженными: патроны хранились у старшого в кармане, – и, спрятав за кустами так, чтобы не было видно с дороги, я принялся расшнуровывать сапоги пиздюка. Переобувшись, я наконец ощутил себя человеком…

– Другое, блять, дело, – довольно хмыкнул я.

Сначала мне было как-то стрёмно снимать сапоги с покойника – всё-таки он родному отцу смерти желал, а такие чёрные мысли портят ауру личных вещей. Но теперь я знал, что отца пацан любил, просто отец нихуя не доверял ему и даже в тайне ненавидел, – а по-другому я не могу объяснить, почему этот бессердечный хуесос оставил собственного сына без патронов на дороге полной отмороженных уёбков.

Я верю в ауру. Поступки людей влияют на неё: плохие делают темнее и притягивают беды, а хорошие – привлекаю удачу. Именно поэтому сегодня я получил неплохие ботинки – я неплохой человек. Конечно, не отними я батончик у

той старушки, сейчас радовался бы пиздатым охуенным сапогам, потому что был бы пиздатым охуенным человеком, но… Все мы иногда делаем нехорошие поступки, и это не повод себя ненавидеть – это повод стать лучше.

Ох уж это приятное чувство, когда ты постарался, приложил усилия, а судьба тебя за это наградила. В такие моменты невольно начинаешь размышлять о вселенской справедливости. Кажется, жизнь явно начинала налаживаться…

От этой мысли и внезапно накатившего прилива радостной эйфории, я принялся кружить между березок, или сосен, или каких-то других деревьев в счастливом танце, а затем запел чистым и звонким как лестной ручей голосом. Птички подпевали мне, я улыбался, и даже лица убитых мной неудачников залились румянцем, а через миг они уже не могли сдержать умиления и, переглянувшись, расплылись в улыбках. Лучи солнца играли со мной: светили в лицо сквозь кроны, а когда я открывал глаза, прятались в густой листве; а зверушки собрались на ветвях, весело покачиваясь в такт ритму моего жизнеутверждающего пения.

На самом деле я конечно же не пел и не танцевал: не хватало ещё споткнуться об корягу, улететь еблом в какой-нибудь камень, а потом ещё пять часов смотреть глюки про спецназёров с горящими глазами. Так что я просто ссал у дерева, чувствуя на себе неодобрительный взгляд мёртвых глаз убитой мной семьи.

С кайфом поссав, я собрал всё добро в рюкзак одного из

покойничков, предварительно вытряхнув из него всё лишнее (консервы, носки, какие-то самодельные ловушки на мелкого зверя, складную удочку, и кучу другого хлама), оставил только патроны для ружья. "Всем добром" были патроны, "Еблан", нож, да литровая бутылка воды, на случай если в горле пересохнет. Сначала я хотел взять и тушёнку, но потом решил, что нахуй надо таскать лишние тяжести: если деревню так и не найду – заберу хавчик на обратном пути, как раз к тому времени, наверняка, проголодаюсь. И ружьё, кстати, на всякий случай прихватил – мало ли нападёт кто, а у меня из оружия один нож ("Императора" я взял чисто по приколу, ну или чтобы орехи колоть, если угостит кто, – стрелять из этой хуйни я больше не собирался, разумеется).

Выбрался на дорогу. Дождь едва капал. Надеюсь, снова припустит, чтоб смыл кровь с дороги, а то найдёт какой-нибудь сердобольный покойников, начнёт потом задавать неудобные вопросы… Мало ли мне в деревне подзадержаться придётся – в хуй не упёрлись эти подозрительные взгляды от соседей, так что, хотелось бы избежать откровенного палева.

Последний километр я прошёл с комфортом: сапоги оказались удобными, а после резиновых тапок я бы сказал «пиздец какими удобными». Вселенная явно была мной довольна.

Деревня оказалась совсем крохотной: два десятка домов в центре небольшого поля, на обочине дороги, и высокая

смотровая вышка, сколоченная из досок, на окраине. Все дома свежепостроенные – этому поселению явно лет десять-двадцать, не больше, то есть живут тут наверняка жертвы РПГ, и ждать от них можно совершенно любой хуйни.

Сначала всерьёз подумывал снять сапоги, сныкать их от греха подальше и забрать, когда буду уходить из деревни, – мало ли кто узнает эту обувку и вопросы начнёт задавать? – Но потом решил "нахуй надо": сколько людей в одинаковых сапогах ходят? Дохуя. Так что совпадения случаются, хули… Короче припрятал за пояс нож, а рюкзак и ружьё скинул в кустах – может, потом и заберу, хотя насчёт ружья не уверен: полутораметровая тяжёлая, заметная за километр, хуёвина – не самое лучшее оружие против людей: в опасной ситуации хуй его быстро применишь, так что, с него либо на обрез пилить, либо нахуй выкинуть, от греха.

Все местные, кажется, прятались по домам: во дворах никого не было видно… Только коровы паслись в отдалении, да курицы с выпученными глазами бегали у крылец в ожидании, пока хозяева отдуплятся и насыпят им наконец-то ебучего зерна…

Сошёл с дороги и направился к ближайшему дому: самому большому, двухэтажному, с колокольней – видимо, местной церкви.

Хорошенько постучав в тяжёлые деревянные двери, принялся ждать, нетерпеливо стуча подошвой по деревянному полу крыльца. Полминуты спустя послышался глухой звук

отъезжающего засова, дверь открылась. На пороге стоял старик с густой белой бородой, облачённый в хлопковую рубаху, подвязанную верёвкой, и такие же хлопковые штаны. Ноги дедули были босыми.

– Автобус приехал? – спросил он, окинув меня взглядом. Лицо казалось взволнованным.

– Почти, – кинул я. – Застряли мы…

– Нельзя вам сюда, – помотал головой старик. – Нужно другое место искать. Беда у нас… Чудовища и до нас добрались. Пару часов назад сестру Тамару разодрали…

Глава Б3. Чертоги с сосисками

Сижу на скамейке, точу варёные яйца с овощами и сыром. Дело происходит в большом зале, с кучей скамеек, в три ряда выстроившихся перед невысокой сценой. Зал забит людьми. Все о чём-то взволнованно шушукаются, атмосфера тревожная. На стене за сценой висит деревянный резной горельеф, изображающий голову козы с, как мне показалось, недовольным ебальником. Под ним белой краской витиеватым шрифтом написана надпись: "Руки к небу поднимая – к тебе взываю".

Больше во всей этой странной хуйне меня пугало слово "горельеф". Откуда я его, блять, знаю? Сука, надеюсь, я не заразился новой версией РПГ, которая сделала из меня профессора, потому что пытливый ум в своих изысканиях может далеко завести, а дойти в своих исследованиях до сосания хуёв ради всестороннего понимания человеческой натуры очень не хотелось бы.

Сука, и эти мои постоянные шутки про голубизну тоже напрягают… Нет в них ничего хорошего. Словно подсознательно создаю нужную атмосферу для вовлечения самого себя в гомосексуалистическое сообщество, ведь шуточки, даже резко негативные, убирают барьер между тобой и табуированными темами, делая недоступное доступным, а недо-

пустимое – допустимым. Да уж, воистину учёный ум сам себе враг… ебать его в сраку.

Ну вот, блять, "ебать его в сраку". Опять про ебание мужиков пошло. Сука… Как же страшно… Неужели это всё? Неужели скоро я стану любителем кожаных карамелек? Неужели так бесславно закончится моя жизнь?

Перед глазами понеслись пугающие образы: зелёный луг, яркое солнце, я стою в траве на коленях в одних трусах и счастливо улыбаюсь; со всех сторон в меня летят варёные сосиски, они с мокрыми шлепками лупят меня по щекам, а в голове звучит настойчивое курлыканье голубей… В какой-то миг я начинаю различать в этом курлыканье слова: "Сынок! Сынок!".

– Сынок! Сынок!

Мотаю головой, прогоняя запретные пидралистические образы. Передо мной склонился всё тот же старик, который пустил меня в эту церковь поклонения недовольным козам и дал пожрать.

– Ты ударил меня?? – не веря своим глазам смотрю на уёбка, словно жена, получившая пощёчину от мужа, который никогда раньше не поднимал на неё руку, и растираю саднящую щёку. – Но… но за что?

– Ой, простите ради бога! Мне показалось, вы потеряли сознание… – смутился старик. – Сынок, у вас всё нормально?

– Если можно назвать нормальными увлекающие глубоко

в чертоги разума пидралистические образы с варёными сосисками и голубями… И то, что какой-то неумеющий держать себя в руках дедуля с нихуя дал мне по ебалу. И ещё эти злоебучие "чертоги разума"… Чертоги, блять… Сука, вот откуда я это слово мог узнать? Аж стыдно.

– Эм… – старик, кажется, смутился, не особо въехав, что я вообще, ебать его в сраку, несу.

Но это меня и не удивило: я ж теперь базарю, как лауреат ёбаной нобелевской премии в области лингвистики и философии, и парю над средними умами.

– Мне кажется, слово «чертоги» довольно распространено… – добавил старик, собравшись.

– Среди кого, блять? Среди авторов научных трудов по выёбистым словам? Ты тоже что ли лауреат нобелевской премии, дед? Я тебе сразу говорю тогда: я не по этой части, так что не думай, что я за пару варёных яиц и кусок сыра в жопу тебе присуну. Тем более что сыр нихуя даже не солёный – пресный, блять, какой-то.

– Сынок, я, честно сказать, вас не очень хорошо понимаю. Простите, что по щекам вас похлопал, просто вы так странно выглядели: не моргали, в одну точку смотрели, на слова не реагировали – я побоялся, что у вас приступ какой-то случился. Вижу, что с дороги вы устали сильно… Давайте так поступим: пешком я вас никуда не отпущу: в это время года темнеет рано, а на дороге после заката одинокому путнику делать нечего – небезопасно это. Сестру Александру с вами

отправлю, на машине. Она вас к автобусу обратно отвезёт.

– Да не хочу я к автобусу возвращаться! – возмутился я. – Нахуй он мне нужен?? Мне и тут заебись: хавчик сносный, если сыр не считать – он не солёный нихуя; козу вон заебашили нехуёвую из дерева; текст какой-то написали странный – загадка в нём чувствуется; чудовища, говоришь, появляются… Всё как я люблю, короче. Не пойду я никуда, короче. Точка, блять. И даже не уговаривай. Пшёл на хуй отсюда.

– Я понимаю, что вам страшно и возвращаться совсем не хочется, но поймите: небезопасно теперь тут! – старик схватил меня за плечи и принялся излишне эмоционально, если не сказать театрально, потряхивать почти при каждом слове. – Вы должны вернуться! Должны предупредить остальных! Не могу я Александру без вас послать, да и некого другого! Ваши люди никого из нас не знают – могут не поверить, решить, что просто бандиты какие-то их разворачивают с какими-то своими целями! А вам они точно поверят! Вы представьте, что будет, если они сюда приедут?? Там же дети у вас! Мы себе никогда не простим, если их чудовища тут пожрут!

Я вскочил со скамейки и схватил за плечи старика:

– Хватит! Меня! Вот так! Трясти! Ёбаный! Твой! Рот!

С каждым словом я от все души сотрясал экспрессивного пидораса, чтобы он прочувствовал, как это, блять, неприятно. Закончив урок воспитания, я сел обратно на скамейку и продолжил уже спокойнее:

– Отец, ну какие нахуй чудовища? Не хочешь лишние рты кормить, так и скажи. Я всё понимаю: ты когда-то в приливе гражданской сознательности, или по пьяной лавочке, пригласил нас, бедолаг, к себе, сказал "похуй, всех прокормим, все приезжайте", а сейчас, когда понял, что мы восприняли твоё приглашение серьёзно и привезли целую ораву голодных баб и детей, понял что натворил, одумался, и пытаешься слить нас, под надуманным предлогом. Чудовища, блять… Нихуя более правдоподобного не мог придумать? Нападение НЛО там или воздушных пиратов на ебучих дирижаблях, спиздивших всё зерно…

– Но я вам не вру! – округлил глаза дедок. Ему явно было очень неловко от мысли, что в нём разглядели жадного пиздабола. – Пойдёмте! Пойдёмте, пойдёмте!

Он быстро засеменил в сторону, махая рукой словно веером, как бы маня меня за собой.

Я же закинул ноги на спинку впереди стоящей скамейки и отправил в рот варёное яйцо, предварительно макнув в соль.

А хули? Пошёл он нахуй. Никуда я не пойду пока не доем. Уверен, это вот "пойдёмте" ничем хорошим не закончится. В лучшем случае полетят ебальники, в худшем – начнётся мясорубка. Не первый день живу в этом пизданутом мире, так что лучше хорошенько набить брюхо, пока есть такая возможность…

– Ну чего сидите? – удивился старик. – Пойдёмте же!

– Даы поэм фнатауа, фмо!

Он вряд ли понял, что я говорю, но явно понял всё по моему недовольному ебальнику, выпученным глазам и экспрессивным взмахам руки, как бы шлющей его на хуй. Старик вздохнул, кивнул, присел на лавочку.

То-то же, блять…

Заточил яйцо, заточил ещё одно, вприкуску с огурцом и уебанским сыром, потом запил сладким чаем. Покончив с хрючивом, вытер руки об штаны и встал:

– Ну и хули ты расселся, дед? Вставай, ёбт: пойдём отмазы твои галимые смотреть.

– Зря вы так говорите, – покачал головой старикан, поднимаясь на ноги. – Сейчас всё сами увидите…

Мы обогнули ряд скамеек, обошли пару кучек людей, сидящих на мешках, и вдоль стены добрались до деревянной двери. За ней нас поджидало тесное помещение, – видимо, раньше тут был гардероб или типа того, – в центре которого стоял стол, а на столе под пёстрой простынёй явно лежал труп от души нафаршированный стрелами. Старичок подошёл к столу и аккуратно снял с трупака тряпку.

То, что я принял за торчащие из груди стрелы, на самом деле оказалось выломанными наружу рёбрами. Сиськи несчастной Тамары, – а это очевидно была именно она, – висели у неё подмышками, рёбра со сползшей с них плотью щербатыми пиками устремлялись вверх. Нижней челюсти и языка у Тамары не было, равно как и глаз, и кисти левой руки, вместо которой остался лишь уродливый обрубок.

– Вот видите! – почти с облегчением указал на труп старикан. – Говорил же: чудовища и до нас добрались! Вы ведь согласны, что причины смерти несчастной Тамарочки очевидны?

– Выглядит как самоубийство… – задумчиво почесал подбородок я.

– Ч…Что? Да как?..– старик от недоумения не мог найти нужных слов. – Как это может выглядеть… Что вы?..

– Да я подъёбываю, дед. Успокойся, пока сосуд какой в голове не лопнул.

– Разве ж можно таким шутить?

– Разве ж можно людей к себе в гости пускать, когда у вас монстр какой-то вот так людей хуячит??

– Но я…

– Коров ебёшь любя. Нахуй ты мне сразу не сказал, что у вас тут пиздец такой творится?? Сижу, блять, яйца жру с сыром, кайфую, а тут где-то тварь какая-то неведомая людям рёбра выламывает, да в глаза ебёт. Ты понимаешь, сука, что меня жена беременная в автобусе ждёт? Хотел её вдовой оставить, а ребёнка нерождённого авансом безотцовщиной сделать?? Такой ты подарочек семье приготовил?? Ну и тварь ты бессердечная! Тамару погубил, так хоть обо мне бы подумал! Я-то тебе какое зло сделал, что ты жизнь мою такой опасности охуевшей подвергаешь??

– Сынок, не сердитесь ради бога! Ничего плохого не хотел – клянусь всем, что имею и иметь буду! – затараторил

старик, умоляюще сложив ладони. – Я ведь сразу вам сказал, что у нас чудовище завелось и сестру Тамару погубило! Сразу сказал, что нельзя вам сюда!

– Что не помешало тебе меня чай пить пригласить. Я-то решил, что ты преувеличиваешь: думал её там енот покусал или типа того, а она у вас вообще словно нахуй лопнула. Ёбаный ужас…

– Но ведь вы сами настояли, сказали, что с голодным желудком обратно не пойдёте…

– Так надо было мне с собой еды упаковать! Или у вас пакеты, блять, закончились? А тачку почему сразу не предложил?? Хотел, чтобы я пешком обратно хуярил?! В тапках резиновых, хотел, чтобы хуй его знает сколько километров ноги в кровь сбивал?!

– Почему же в тапках? У вас ботинки хорошие, у нас такие только у…

– Ты от ботинок моих отъебись, пока по ебалу не получил, хуй старый. Я их на свои личные сбережение, блять, купил, а не с покойника снял, так что краснеть мне не за что. А что у кого-то там такие же сапоги как у меня, так это совпадение, не более. Короче, зубы мне не заговаривай, ботинками своими ебучими. Если хочешь вину свою искупить перед женой моей и детьми несовершеннолетними, то давай-ка так поступим: тачку мне даёшь, снарягу нормальную, включая стволы какие-нибудь козырные, хрючилова с собой завернёшь, только не жадничая, ну и… всё. Считай, что квиты мы с то-

бой. И не оскорбляй меня – не смей торговаться после того что, блять, натворил…

– Машину отдать не смогу, – покачал головой старик. – У нас одна-то всего и осталась. Я сестру Александру с вами пошлю: до автобуса вас довезёт. Только по пути нужно будет брата Семёна с сыном подобрать, если к тому времени сами не вернутся. Опасно сейчас в темноте ост…

– Хуй с ним, пойдёт, хлопнул его по плечу я, не дав закончить. – Только давай побыстрее решим, а то не хочу тут задерживаться: мало ли что вам, ебланам, приглючить может…

– В каком смысле, «приглючить»?

– В самом драматичном…

Честно сказать, снарягу мне выдали так себе: говёный обрез с поясным патронташем на восемь патронов, нож охотничий, – точно такой же, какой у меня уже был, несколько банок тушёнки, пакет сухарей, пакет овощей, яиц и шмат сыра. Из одежды я получил знакомый мне охотничий комбез.

Хуй с ним, всяко лучше, чем ничего.

Переодевался, уединившись с Тамарой, – не хотелось при дедуле доставать из-за пояса нож, после того как тот узнал ботинки, а то старикан мог бы включить Шерлока Холмса и на дедукции распетлять эту история до нахуй ненужных мне выводов.

Пока переодевался, подумалось вот о чём: куда я, блять,

иду вообще? Ну, то есть не буду же я реально возвращаться к автобусу? Понятно, что Александру я приебашу, как-только отъедем метров на сто от деревни, – чисто чтобы воплей её никто не услышал, – но что дальше-то делать? Нахуя я с этими бродягами в автобус сел? Нахуя оделся как алкоголик из ебучих анекдотов? Не мог же я реально решить переселиться в эту деревню и выращивать тут блядскую брюкву? Хотя… Кто его знает? Я человек настроения: сегодня хочу убивать людей, завтра хочу их грабить, а послезавтра могу и просто леща въебать, по-отечески, без всякой причины… Но чтобы я отказался от пушек и решил стать сельским жителем… Это точно не мой стиль. Больше не мой.

Но какого хуя я тогда тут делаю??

Продолжая размышлять над всей хуйнёй, я принялся стягивать уебанские синие треники. Заметил глубокий укус на ляжке. Человеческий…

Даже знать, блять, не хочу…

Невозмутимо продолжил стягивать штаны и почувствовал что-то твёрдое: в кармане штанов что-то было… Запихнув в него руку, извлёк на свет какую-то сложенную в несколько раз бумагу, закатанную в мягкий прозрачный пластик.

Иногда наши вопросы к вселенной остаются без ответа. Даже почти всегда. Но сейчас, кажется, был не тот случай.

Развернув бумагу, я понял, что держу в руках карту. Карту, на которой какое-то место посреди леса было отмечено

кружком. Я бы сказал "Бинго", решив, что теперь знаю, куда, блять, иду, но радоваться не позволяла кривая надпись над кружком:

"

НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ!

".

Глава Б4. Язык мой враг

– Слушай, дедуль, ты в картах соображаешь?

Старикан, который что-то эмоционально объяснял толстожопой бабе у самого выхода из храма поклонения ебучей козе, обернулся ко мне.

– В картах? В каких картах, сынок?

– В игральный, блять… Не тупи, дед, вот в таких: – я протянул ему ламинированную бумагу. – Сможешь пальцем тыкнуть, где мы сейчас находимся?

– Да-да, конечно, – охотно принял карту дед. – Я карты хорошо читать умею, в молодости лет двадцать проработал в…

– Похуй всем. Давай побыстрее, а то у меня ещё дел дохуя.

– Понял-понял… Такс… Ох ты ж, как всё расчирикано-то… Кажется, кто-то очень хотел, чтобы вы в этот лес шли…

– Давай к делу, дед, блять. Я тебе карту дал, не чтобы ты в подъёбочках поупражнялся…

– Ну что ж… Ладно… Хм… Вот тут мы, – он ткнул пальцем. – По дороге вот этой если идти, то через пару километров тупик будет с деревней заброшенной, лесом окружённой. От неё как раз короче всего до точки этой дойти. Как же всё зачирикано-то…

– Давай, блять, сюда, – с раздражением вырвал карту из рук старика. – Один кружочек увидел нарисованный, будет теперь, сука, два часа охать, заебал…

– Вы только не сердитесь, сынок, но Александру я к тому лесу не пущу: чудовища оттуда и идут, как мне думается. Плохой это лес, про него много страшного ещё до всего этого безумия рассказывали. Люди там пропадали, много людей. Нечего вам там делать, как бы вас туда ни заманивали. Александра вас к автобусу отвезёт, и езжайте с богом. На восток вам надо уезжать, туда, говорят, чудища не добрались пока, ближе всего будет по....

– Да ухожу я уже, заебал. Не знаешь уже как выпроводить… Где твоя Александра ебучая?

– Так вот же она, – дед удивлённо указал на толстожопую блондинку с дебильными косичками, которая всё это время молча стояла рядом и смотрела сквозь нас: мысли её явно были не тут, а кружились вокруг оставленного в холодильнике бутерброда с тушкой небольшого хряка.

– Вот эта жироёбина? – с презрением окинул её взглядом. – Я с ней к автобусу не поеду: у нас там жратвы дохуя – как-то боязно мне. Это ещё если повезёт, и она по пути меня не сожрёт.

– Ну зачем вы так? – пристыдил меня старикан, приободряющие погладив Александру по руке. Хотя она, впрочем, не особо-то и среагировала на мою подъёбку: продолжала думать о бутерброде.

– Не доверяю тем, кто в тяжёлые времена весит больше центнера. Не задавались вопросом, почему у всех порцайки одинаковые, а она набирает по пять килограммов в неделю? Наверняка у вас и дети пропадают регулярно… Подумай над этим, дедуля.

– Вы всё шутите, сынок… Ну и правильно – надо сохранять позитивный настрой, времена действительно непростые сейчас, и раскисать нам нельзя. Так что уж лучше грубым юмором спасаться, чем нос вешать. И Сестра Александра, думаю, на вас не в обиде, так ведь, Саш?

– Да, отец Евгений… – безжизненно ответила она.

– Слышь, свинота, те может шоколадку какую сожрать? Выглядишь нихуя нездорово – сахар, видать, в крови упал, – распереживался я.

Не, ну а чё? Я так-то не бессердечная скотина какая, просто прячу за грубостью доброе сердце от надругательств злобного мира, чтобы не ранил никто.

– Всё хорошо, – так же монотонно ответила толстомордая. – Жду вас в машине…

Она кивнула Дедуле и вышла на улицу.

– Чёт мне как-то ссыкотно с ней один на один оставаться… Вы её покормили?

– Тяжело ей сейчас: Тамара ей кровной сестрой была… Я её с вами отправляю, чтобы проветрилась и… Ещё вот что… Хотел попросить вас…

Старик замялся…

– Хули ты замялся-то? Говори как есть, дед. Хочешь попросить примокрушить её и на трассе где-нибудь сбросить – типа олень насмерть подрал? Что, не тянет община по хавчкику содержание этой жирофермы? Всё понял. Давай две банки сгущёнки – всё сделаю. Мне это неприятно, конечно, но лучше так, чем у вас тут дети будут пропадать.

– Да нет, что вы?! Я не об этом! Как вы подумать могли?! Ой, понял – вы шутите опять, да, сынок? Я вас хотел попросить Александру с собой забрать, а машину обратно Семён привезёт. У неё в том году мать померла, за год до этого дочь, а вот сегодня и сестру смерть прибрала. Не осталось тут у неё никого, понимаете? Ей и без того тут тяжело приходилось, а теперь и вовсе невыносимо станет. Возьмите её с собой, пожалуйста, – она девушка работящая: и с огородом управится, и со скотиной…

– Управится в смысле сожрёт?

– Рукастая она. Всё умеет. Лишним ртом точно не будет…

– Ну одним лишним ртом она точно не будет, потому что за десять ртов жрёт… Эх, ладно, хуй с ним: нравишься ты мне, дед, так что за Александрой твоей следить буду денно и нощно, чтобы всё у неё заебись было. Но с тебя пара банок сгущёнки.

– Так нет у нас сгущёнки, – стушевался дед. – Есть варенье брусничное.

– Понятно… Зажмотил, значит, сгущёнку… Я это запомню…

– Сынок, я правду говорю: нет у нас сгущёнки, да и не был давно…

– Да понял я, понял… Позабочусь о твоей Александре за просто так.

От души хлопнул его по плечу и потрепал волосы на голове, словно шерсть любимой собаке.

– Бывай, дедуля, хули. Спасибо за приём, охуительный, всей нашей большой компании с автобуса, и за сгущёнку отдельно…

Недобро прищурившись на него на дорожку, вышел за дверь.

Я оказался на балконе. Этаже на пятнадцатом, не ниже. Передо мной стелился город. Вдалеке, там, где заканчивались дома и начинались поля, на сотни метров от земли вздымалась к небу огромная хуёвина. Человекоподобная машина высотой метров в семьсот – не меньше. Она была такой здоровенной, что даже с этого расстояния её можно было хорошо рассмотреть. Голова словно обтянута человеческой кожей; жуткое, с мёртвым выражением, лицо; чёрные, тяжёлые длинные тросы волос, качающиеся при каждом движении машины; тело закрыто рваной грязной серой мантией. Обшитые стальными листами руки прямоугольной формы висят по бокам, словно гигантские поезда подземки. Ног у этой уродливой машины не было, вместо них массивная гусеничная платформа, вдаль от которой тянулись глубокие борозды, вспахавшие всё поле и теряющиеся в переломан-

ном лесу.

В следующий миг раздался оглушающий низкий рёв. Самый жуткий звук, который я когда-либо слышал. Он пробирал до самых кишок, оставляя после себя, словно какое-то ядовитое послевкусие, гнетущее ощущение безысходности и неотвратимости смерти. От этого стального чудовища не скрыться…

Ещё через мгновение машина с поразительной скоростью отклонилась вбок и взмахнула рукой. Из кулака руки, а точнее из открывшегося в нём при взмахе огромного люка, широким веером вытягивалось густое чёрное облако, быстро разделяясь на сотни чёрных точек.

Я не сразу понял, что гул, с которым появилось облако – это человеческие вопли. Чёрное облако состояло из людей. Вопящих от ужаса, выброшенных высоко в небо над городом, живых людей.

Люди стали сыпаться на дома, разбиваясь о стены и крыши, выбивая окна. Трупы сползали по стенам, оставляя густые кровавые разводы, падали на дороги, сминая машины.

– Это Сын Божий… – услышал я голос справа от себя.

Резко развернулся к говорившему. Передо мной стояла толстожопая Александра.

– Вы готовы отправляться? – привычно пресным голосом спросила она.

Сука, блять… Опять приглючило.

Осмотрелся. Дорога, дома, никаких балконов и здоровен-

ных поебот, разбрасывающихся людьми. Нихуя себе у меня воображение…

– Вы готовы отправляться?

– Да готов, блять! Заебала…

Выбесила-таки, тварь. Сука, как же ненавижу жирных… Никакого такта. А всё потому, что мысли только о жратве у них: нет в башке места для уважения к окружающим. Короче, ща отъедем метров на триста, задушу жируху голыми руками, бля буду.

– Слышь, свинота. Где машина твоя?

– Вон там… – вяло показала она на какой-то сарай, на отъебись сколоченный из кривых необработанных досок, и неспешно побрела в его сторону.

– Шевели булками – плетёшься, блять, как на эшафот.

Эшафот… Ещё вчера я удивился бы тому, что знаю слово "аэропорт", а сегодня базарю, как король Англии.

– Короче, надо торопиться – чую, скоро в туалет захочу, а мне пиздец как не хотелось бы на трассе останавливаться. Хотя похуй, притормозишь, если что, где-нибудь, выйдем, ты посторожишь меня от волков там или медведей, я отолью по-быстрому, а потом дальше поеду.

Жирота не ответила. Неспешно дотащила сраку до сарая, поковырялась с полминуты в замке и, наконец, со скрипом растащила створки в стороны. Внутри стоял какой-то уёбищный проржавевший к хуям микроавтобус, безуспешно пытавшийся скрыть своё уродство и неприглядное состояние

под сантиметровым слоем засохшей грязи и дорожной пыли.

Толстуха подошла к микрухе и стала открывать капот.

– Слышь, если жратва где-то и сныкана, то в бардачке наверняка, – предположил я.

Она меня не слушала. И это вторая проблема толстых людей: они никогда не слушают окружающих. Сколько бы им не говорили, что они жирные, что на них противно смотреть; сколько бы ни умоляли сесть на диету или хотя бы перестать воспринимать целый батон как индивидуальную, блять, булочку к чаю – всё тщетно. Жиробасы не умеют слушать.

Короче, она со скрипом подняла капот, достала откуда-то из-под жироскладок нож и принялась что-то химичить.

Сначала я решил, что она там клемы на аккумулятор накидывает или типа-того, но потом она стала совершать какие-то резкие движения, словно дралась с забравшейся под капот погреться кошкой, или не знала, как выглядит ёбаный аккумулятор и клемы, которые на него нужно набрасывать, и из-за этого её накрыл припадок ярости.

– Слышь, стройняшка, тебе там кукуху переклинило? Сахар упал-таки? А я говорил: сожри, блять, шоколадку…

– О нет! О нет! – завопила жирка, оборачиваясь. Глаза её были наполнены ужасом. – Чудовища уничтожили мотор! Они просто выпотрошили его!

Ну всё, блять, понятно. Понеслась…

– Да ты сама его выпотрошила, пизда ты тупая! – я хотел было обложить её хуями поплотнее, но потом передумал. –

Понятно, короче, всё: хуй мне, а не поездка с комфортом… Что дальше по плану? Станешь монстром и нападёшь на меня? Тут должен сразу предупредить: разобью ебало с вертушки, а потом снесу, что осталось, из обреза.

– Господи Боже что это?!? – она выпучила глаза смотря куда-то мне за спину.

– Предполагаю, что ничего… – вздохнул я, оборачиваясь скорее по приколу… – Ёб твою мать!

Буквально в паре метров от меня на дороге стояла какая-то… Тварь.

Огромная ебанина, похожая на жирного, толщиной метра в два и высотой минимум в пять червя, из которого самым хаотичным образом торчали несколько десятков покрытых густой слизью рук. На самой высокой точке тела червя разместилась женская голова со сползающей вниз мертвецки-бледной кожей, переходящей в тело червя, и умоляющим взглядом широко раскрытых глаз. Рот женщины разорван, губы цвета сырого мяса растянуты в полной страданий улыбке. Внезапно губы начинают расползаться, словно изо рта пытается вылезти что-то огромное. Кажется, что щёки вот-вот начнут рваться дальше, но в следующий миг наружу выпадает тело самого уродского младенца, какого я когда-либо видел. Хотя, в целом это был, наверное, самый обычный младенец – тут я с перепугу приукрасил. Единственное, что отличало его от нормального грудничка: тошнотворный язык размером с немецкую овчарку вместо голо-

вы и длинные, полутораметровые руки с четырьмя локтями и костяными лезвиями вместо кистей. Короче похож на младенца он был телом и пуповиной, теряющимися во рту головы матери, что наводит на мысль: я не сильно-то и был неправ, решив, что это самый уродский младенец, которого мне доводилось видеть…

Тварь завопила. Тут важно пояснить, кто именно завопил: червяк, голова матери или языкоголовый младенец. Я ставлю на мать. Хотя, её легки наверняка находились в черве, а голова младенца при вопле вибрировала так, как вибрировал бы любой обычный язык на её месте. Короче, я передумал: вопила вся тварь целиком. Вопль был вымученный, страдальческий и гармонировал с несчастным, полным ужаса и отчаяния взглядом женщины, которая словно не понимала, что происходит, и мечтала лишь о том, чтобы скорее проснуться и оставить этот кошмар позади. Я её понимаю: обнаружить себя с телом червя, двумя десятками рук и младенцем, торчащим из порванного рта, – это, наверняка, пиздец как неприятно.

Продолжая жалобно вопить, чудовище медленно ползло вперёд, вытянув все руки перед собой. Это выглядело не столько опасно, сколько печально: тварь словно умоляла помочь ей, протягивая руки к обычным людям, так похожим на то, чем она была когда-то. Она надеялась, что мы сможем развеять своей нормальностью то пизданутое колдовство, которое сотворило с ней весь этот неподдающийся опи-

санию пиздец.

Но, видимо, я показался твари недостаточно нормальным и жалостливым, потому что она проигнорировала меня и проползла мимо, явно направляясь к Александре. Женская солидарность, ебать её рот… Конечно, пошёл я в пизду со своей помощью.

– НЕТ!!! БОЖЕ, НЕТ!!! – вопила от ужаса Александра, впрочем не стремясь съебаться куда подальше, на что у неё было более чем предостаточно времени, потому что неведомая ебанина двигалась пиздец как неспешно.

Наконец, тварь достигла Александры и вцепилась в неё, казалось, всеми своими уёбищными слизкими руками. Я ожидал, что девчонки сейчас обнимутся и начнут плакать, но языкастый младенец неожиданно вздыбился всем телом и с высоты нескольких метров наотмашь полоснул жируху по лицу ладонью-лезвием.

– АААА!! – завопила, склонная драматизировать, толстожопая истеричка.

Кожа на её лице принялась расползаться от верхушки лба и до самой верхней шубы.

Ну, возможно, я был слишком скор на выводы – признаю. Я не про склонность жирухи к драматизму, а про свои обвинения в том, что баба-червяк не уважает роскошных, бородатых мужиков с идеальным мускулистым азиатским телом и готова принять утешение только от другой бабы. Не такие уж эти чудовища и гендерные фашисты, получается, только

вот…

Только вот чудовищ нихуя не существует.

Эта мысль полоснула моё сознание не хуже лезвия языкоголового младенца.

Всё происходящее не может быть правдой…

В глазах замортачило, изображение стало искажаться, пульсировать, изменяться, словно одно видео пыталось вместись другое: вот я вижу тварь, полосующую лицо жирухи, а вот я вижу жируху, полосующую себя ножом по лицу; вот тварь начинает рвать плоть жирухи десятками своих рук, а вот жируха рвёт на себе плоть сама, помогая себе ножом. Наконец реальность полностью вымещает глюки: остаётся одна лишь толстожопая Александра, истязающая себя сталью: она режет плоть; разрубает кости пальцев положив ладонь на машину и используя нож как топорик; она бьёт себя ножом сначала в один глаз, затем во второй. Всё это время она вопит, она продолжает вопить и когда отрезает себе язык, и когда с безумным остервенением пытается вырвать челюсть.

Всё это время я стою в ахуе. Иногда бывают такие моменты, когда лучшее, что ты можешь сделать: просто стоять охуевая. Именно так, наверное, поступает среднестатистическая мамуля, придя домой раньше времени и застав любимого сыночка, ебущим её любимого кота на её же с папкой кровати.

Пока я представлял себе студента-спермотоксикозника, ебущего кота, – надеюсь, в этом нет ничего гейского, хотя я

уже ни в чём не уверен в этом, вконец ебанувшемся мире, – Александра мешком повалилась на землю, потеряв сознание то ли от потери крови, то ли от болевого шока, то ли, что скорее всего, у неё всё-таки упал сахар, – говорил же я, сожри ёбаную шоколадку…

Глава Б5. Сытый дед

Двери "Козлячей церкви" распахнулись, наружу вывалилась толпа вооруженной ружьями деревенщины во главе с дедулей.

– Господи ты боже! Сестра Александра! Стреляйте! Стреляйте! Отгоните от неё это чудовище!

Деревенщину уговаривать пострелять не надо: в загородной жизни не так много развлечений, и хаотичная стрельба хуй пойми куда – не худшее из них. Короче, селяне принялись хуячить куда-то вверх, что внушало робкую надежду на то, что мне удастся-таки выжить.

– Спасайте Александру! Спасайте Александру! Тащите её в дом истинных Богов!

Ну да, пошёл я нахуй. Даже обидно как-то: сначала чудовище меня проигнорировало, теперь старикан радеет за жируху, а на меня ему похуй. Хотя, пора бы привыкнуть к тому, что деревня городских не любит. Я их понимаю: я красивый, раскаченный, воспитанный, образованный, слова знаю всякие научные типа "взапиздь", "чертоги" – как не завидовать чёрной завистью такому? Зря я старику про "чертоги" эти ебучие рассказал: видимо, тогда он на меня зуб и заимел: решил, что издеваюсь над ним, образованием выёбываюсь, унижаю его перед паствой…

– Смотрите!!! Ещё твари!!! – закричал кто-то. – Идут с дороги!

И действительно, из леса с той стороны дороги валили ёбаные чудища. Хотел бы я сказать, что все они выглядели так же, как и первая хуёвина, чтобы не тратить время на описание, но нет: они были совсем другие.

Впереди всех бежала человекообразная многоножка, хотя скорее я бы назвал её многоручкой, потому что бежала она на восьми тощих руках, а ног у неё не было вовсе. Длинное человеческое тело с выпирающим позвоночником и ребрами при беге прижималось низко к земле и извивалось словно змеиное, в то время как локти рук торчали вверх наподобие паучьих лап. Головы у хуёвины не было, а из шеи выглядывал огромный, размером с небольшую дыню, глаз. Перейдя дорогу, ебанина встала на дыбы, показав своё брюхо, покрытое открытыми ртами с пухлыми губами, из которых пóшло вытягивались языки.

Следом за "Мастером-целовастером" полз слизень с головой козы, очень похожей на ту, что я видел в "Козлячей церкви". Слизень быстро полз по дороге, но не столько за счёт движений слизьего тела, сколько за счёт быстро толкающих его мышцатых рук, торчащих из задней части тела.

Третьей шла синяя, словно утопленница, длинная тощая баба с повисшими у самой пизды сиськами, бугрящимися толстыми венами. Неестественно длинные даже для этой трёхметровой каланчи руки тащили за ней детей, крепко

держа их за лодыжки. Дети безвольно скреблись по асфальту ебальниками.

Тема детей, как мне кажется, вообще сильно популярна среди местных чудовищ: видимо, какие-то детские травмы, или хуй его знает. Впрочем, конкретно эти дети, как и "языкоголовый пиздюк", тоже были с "изюминкой", которая не позволяла сопереживать им в полной мере: руки детишек неестественным образом выворачивались назад за спину, словно какие-то уродливые костяные крылья, выгибаясь дугой, они длинными когтями терзали спины своих тел, оставляя на синюшной коже глубокие кровавые борозды. Возможно, в этом не было чего-то такого, что совершенно точно указывало на то, что этих пиздюков не стоит жалеть, но я рассуждал так: если им нравится полосовать когтями собственные горбы, то и стирают ебальники об асфальт они тоже с кайфом. Наверное.

Короче, тройку лидеров я описал. Но кроме них на помощь блеванувшей ребёнком бабе спешили вот кто:

Номер четыре: "Глаза боятся – руки делают". Ползущая на коленях жирная баба с выпученными из глазниц руками, которыми она ощупывала дорогу перед собой. На месте ступней жирухи торчали какие-то ёбаные костяные колья, вместо рук к небу торчали костяные крюки, а на спине тошнотворным горбом надувался гигантский, размером с микроволновку, фурункул. Сквозь натянутую вокруг фурункула кожу просвечивал какой-то силуэт, плавающий в мутной

желтоватой жидкости.

Номер пять, шесть, семь и восемь: "Французские пёсики". Несколько уродских лысых собак, вместо ног у которых, – что бы вы подумали? – конечно злоебучие человеческие руки. Человеческие головы псов разорваны по вертикали, обнажая множество языков, неистово облизывающих друг друга, словно в каком-то пизданутом слюнявом поцелуе. Честно говоря, я не уверен, что в основе своей это были собаки: может быть, козы или что-то типа того, но первая ассоциация была собачьей из-за хвостов: длинных костяных отростков с острыми концами, радостно мотающихся из стороны в сторону.

Номер девять "Глава отдела кадров". Обычный голый мужик. Ну, может, жирноватый. Нет, правда, это был обычный голый мужик, с невозмутимым еблом, идущий в толпе блядских чудовищ. Он смотрелся в этой уродской толпе столь неуместно, что, наверное, следовало описать его первым, а не девятым. Я пялился на него куда дольше, чем на остальных, силясь найти хоть какое-то уродство: хуй со ртом, языки вместо сосков, пальцы рук вместо пальцев ног, хоть что-то, блять. Но нихуя: обычный мужик. Он словно попал сюда в приступе лунатизма и сейчас был уверен, что одетый в строгий костюмчик пиздует на работу в толпе других работяг. Хотя, может всё дело в усах? Усы у него были подозрительно дебильные. Кто вообще такие носит? Нахуя? Мерзость, блять.

Номера десять, одиннадцать и двенадцать я описывать не буду, потому что вся эта пизданутая кавалькада достигла встречающую её отчаянной стрельбой из ружей толпы деревенщин и, раньше, чем я успел как следует охуеть от той мысли, что знаю слово "кавалькада", началась ёбаная мясорубка.

Нет, я бы конечно успел описать всех чудовищ, но ох уж этот ёбаный обычный голый мужик…

Многоножка кинулась в атаку первой. Она по длинной дуге прыгнула на какую-то молодую девчонку и, обхватив всеми руками, крепко прижала к себе. Раздались дикие вопли, полные боли и ужаса, – кстати, хуй его знает, стоит ли и дальше уточнять какого рода вопли раздавались, потому что все они были воплями боли у ужаса, – тварь и её жертва повалились на землю. Из-под рук многоножки во все стороны, словно вода из стиснутого в кулаке шарика, забрызгала кровь. Видимо, хуёвина принялась жрать плоть своей жертвы всеми своими бесчисленными ебальниками.

Изображение в глазах моргнуло, и вот вместо многоножки я вижу, как жертва, катаясь и крича, яростно колотит в своё тело сапожным шилом с деревянной ручкой. Кровь действительно местами брызгала в стороны, но не так сильно, как мне приглючило.

Следом напала длинная баба с обвисшими сиськами, обогнавшая перед самым финишем козлоголового слизня. Как оказалось, спиногрызов баба тащила с собой не потому, что

их не с кем было оставить дома: как только она достигла толпы, так сразу принялась ебашить ими всех, кто попадался под руку, словно дубиной. Сами дети при этом не то чтобы были сильно против, даже наоборот – врезаясь в очередную-деревенщину, на отходе, когда мамка начинала заносить их для следующего удара, пиздюки старались вцепиться когтями в лицо маминой жертвы.

Изображение снова моргнуло помехами, и вот передо мной самая обычная невысокая девчонка в хлопковом сарафане, хуячущая людей искалеченным телом очевидно мёртвого младенца. Эти удары едва ли могли нанести серьёзный урон жертвам, но у "чудовища" всё на этот счёт было продумано: после каждого удара вперёд бабы выпрыгивал её муж, – может, и не муж, конечно, но я предпочту думать, что муж, потому как это добавляет драматизма, – с молотком в одной руке и ножом в другой. Он со всей дури ебашил молотком не успевших оправиться от удара младенцем бедолаг, а потом, почти на отскоке обратно за спину жены, наспех полосовал ебальники ножом. Нихуя себе семейка, блять.

Наконец в драку врывается козлослизень. В козлиных глазах пылает горечь поражения: у него отняли второе место и сейчас он отыграется на зрителях…

Оттолкнувшись руками от асфальта, слизень делает полусальто и хватает голову какого-то мужика. Не теряя времени принимаетсявыдавливать ему глаза большими пальцами. Дальше к остальным крикам, которых тут уже более чем

дохуя, добавляется ещё один, понятно чем наполненный (болью и страданиями). Но ослепления жертвы козлослизню оказывается мало, и он решает отведать хуятинки… И сексуального подтекста в этом нет: он просто вгрызся в его хуй, яростно мотая головой, словно псина, пытающаяся оторвать кусок от прижатого к земле лапами ботинка.

Помехи – смена картинки. На самом же деле в хуй бедолаги вгрызался небезызвестный мне дедок – настоятель "Козлиной церкви", а глаза выдавливала какая-то старуха, стоявшая за спиной жертвы.

Примерно в этот момент я понял, что могу переключать зрение с глючного на реалистичное по своему желанию. Это сложно объяснить, но управлялась эта способность силой мысли: хочешь видеть глюки – видишь глюки, не хочешь видеть глюки – не видишь глюки. Где ж ты была, когда я по стенам бегал, сука…

Тем временем на сценку выползла баба с руками из глаз. Этими руками она выхватила из толпы сначала одну щуплую девчонку, затем вторую. Обеих насадила спинами на крючья, торчавшие у неё из плеч. Вторую девчонку попытался спасти какой-то мужик, но стоило ему оказаться достаточно близко, как тварь, выгнув спину и перекинув ноги через себя, ударила его в ебальник костяным колом-ступнёй, с треском вмяв лицевые кости мужика внутрь черепа. Отпугнув ещё пару желающих спасти девчат, уёбина "глазными" руками разорвала фурункул на своей спине. Лопнувший фурункул ока-

тил спину и висящих на крюках девчонок густой желтоватой жидкость. От бедолаг повалил пар, а затем, под истошные вопли, с них стала сползать вниз кожа вместе с мясом. Из открывшейся на спине рукоглазой бабы раны торчал размокший, словно пятка после горячей ванны, безрукий и безногий младенец, позвоночником сросшийся с её позвоночником. Он с недовольным, но крайне внимательным видом оглядывался по сторонам, быстро вертя башкой во все стороны: видимо, он отвечал за боковое зрение, указывая мамке на приближающиеся опасности, вроде спасающих своих дочерей отцов.

Переключил зрение на реалистичное. Мокрых с ног до головы девчонок держат два мокрых с ног до головы мужика, а ещё двое стоят в паре шагов, вооружившись колунами. У ног одного из мужиков с колунами валяется мужик с проломленной ебососиной: тот самый мужик, которого угостили костяным колом в глючном варианте происходящего. В самом центре, между всеми мужиками, стоит баба с грязным пластиковым ведром: видимо, она изображала гнойный фурункул, и именно она облила всех водой. Девчонки, схваченные мужиками, руками сдирают с себя кожу вместе с мясом, симулируя сползающую с костей плоть и неистово вопят.

Пока Глазорукая баба растворяла девчонок "кислотой", «Французкие пёсики» страстно облизывали руки всем, до кого добирались, буквально всасывая их в себя. Видимо, кроме большого количества языков их разорванные попо-

лам ебальники были снабжены нехуёвыми зубами, потому что облизывание рук неизменно заканчивалось откусанными пальцами. При этом лапы-руки пёсиков крепко держали конечности жертв, не позволяя оборвать "поцелуй" раньше времени, а хвосты-шипы помогали отвлечь особо рьяных – быстрым движением выкалывая им глаза.

В реальности «Французкие пёсики» были толпой пиздюков лет девяти-десяти, вооружённых отвёртками: они грызли пальцы людей и тыкали инструментами в глаза, причём им даже не приходилось удерживать руки жертв, как в глючной реальности: жертвы и не пытались вырваться, предпочитая просто кричать и звать на помощь.

На меня нашло новое озарение. Нашло оно, когда я попытался посмотреть, кем в реальности был голый мужик с дебильными усами. Он остался всё тем же голым мужиком с дебильными усами, и тут я и вспомнил этого мудака: он пилил упавшее дерево у автобуса.

Я ещё раз осмотрел нападавших. Ну точно, блять: это пассажиры блядского автобуса…

И тут "Глава отдела кадров", более известный как мужик с дебильными усами, явил-таки миру свою сверхспособность…

Он с оглушительным хлопком лопнул, разметав и своих и чужих. Следом поляна просто-таки утонула в воплях людей с осколками костей усатого выебка в ебальниках.

Переключившись на обычное зрение я, разумеется, уви-

дел лишь последствия взрыва: раскуроченное тело полу-жирдяя и валявшихся вокруг кричащих покалеченных людей. Честно сказать, теряюсь в догадках, как он умудрился взорваться, но возможно его взорвал Господь Бог, будучи не в состоянии ещё хоть сколько-нибудь долго наблюдать за болтанием его ёбаных усов. Вторая, менее правдоподобная версия произошедшего: кто-то подкинул жирдяю гранату в тот момент, когда я отвлёкся на других чудищ.

Я так внимательно наблюдал за тварями, что совсем забыл про деревенщин, которые, между прочим, всё это время отстреливались от нападавших, но стреляли хуй пойми как и всё чаще попадали по своим, лишь иногда попадая куда-то мимо, а в чудищ никто из них не попал ни единого, блять, раза.

– Спасайте Александру! – залитым кровью ебальником завопил дедок, вспомнив об основной задаче и оторвавшись от поедания чьего-то члена. – Отстреливайтесь и уносите её в здание! Мы сдержим их сколько сможем!

От толпы отделились пять человек. К моему удивлению они пошли не к очевидно сдохшей Александре, которая мешком валялась у открытого сарая, а ко мне…

– Сука, только подойдите, блять, – предупредил я, поднимая ладонь. – Я нихуя не в настроении изображать раненную Александру.

Но им было похую. Пидорасы окружили меня, стали хватать за руки, пытаясь "помочь" идти.

Я взорвался.

Не как усатый мужик, конечно, но не менее смертоносно…

Время словно замедлилось в сотню раз. Я чувствовал энергию, зарождающуюся от толчка моей ноги от земли, чувствовал, как она медленно перемещается по всему телу, чувствовал, как достигает моего кулака и в самый подходящий момент, когда кулак касается ебальника одного из "спасателей", передаётся на его челюсть. Башка уёбка мотнулась, глаза остекленели, он обмяк и начал падать. Выхватываю нож из его ножен и на секунду притормаживаю падение мужика, с силой воткнув нож ему под нижнюю челюсть. Отпускаю нож и в тот же момент наношу удар локтем в ебальник бабе, подошедшей сзади. Сейчас я её даже не видел, но мой мозг запомнил скорость, с которой она перемещалась, проходя мимо мгновение назад, и, сам, без моего желания, рассчитал её положение по всем зафиксированным движениям. И рассчитал точно, потому что я услышал хруст её пятачины.

Вырываю пистолет Макарова из кобуры мужика слева, – едва ли он успел заметить это молниеносное движение, – не останавливая движение руки, чуть наклоняю ствол, чтобы посмотреть на предохранитель. Снят. Время резко ускоряется, почти автоматной очередью раздаётся шесть выстрелов. Вслед за первым покойником с ножом под челюстью на землю падают ещё пять трупов с дырками в башке. Я даже не сразу успел понять, как, блять, это сделал. Лишь через

несколько секунд в памяти сформировалось воспоминание: выстрел левому в башку, сразу выстрел в башку тому, что стоит чуть поодаль, далее выстрел в правого, разворот, выстрел ещё в двоих. Минимум движений. Я буквально видел в воздухе две прямые траектории по которым успел повернуться во время "перестрелки". Ещё через секунду в памяти моей всплыл момент, как я прострелил башку и дедку с полным ртом хуёв (полном, в самом прямом смысле).

Сука, блять, да что со мной такое? Двигаюсь со скоростью света, эрудированный стал, как ёбаный профессор, глюками управляю… Неужели Бог наконец-то меня заметил и решил воздать ништяков по заслугам?

Ладно, хуй с ним, надо срочно уёбывать, потому что вон, вижу, по дороге пиздует армада мутантов – человек в двадцать. Сейчас станет совсем горячо…

Глава Б6. Кровь и роботы

Ебучая дорога. Как же я её, блять, ненавижу. Кто вообще придумал ноги? Почему эволюция не дала нам колёса вместо этой шагающей поеботы?

Короче, пиздую по дороге в направлении заброшенной деревни. Уже давненько. Часа два – точно. Не сразу я понял, за что прихуярил дедушку-членоеда, но теперь всё стало предельно ясно: вот за это вот, блять. "Два километра". Пиздабол ебаный. Я что, со скоростью один километр в час хожу? Солнце клонится к закату, холодает, комбез нихуя не тёплый, а я до сих пор не дошёл до этой злоебучей деревни. Ещё минут сорок, максимум час, и придётся собирать дрова, разжигать костёр и готовиться к ночёвке под открытым небом, а я ведь в метро всю жизнь прожил: мне под открытым небом спать дискомфортно. Вот сука, короче, старая…

Внезапно на горизонте появился свет.

Он быстро залил всё пространство вокруг, а через мгновение из него вышел ясноликий молодой мужик с густой шелковистой бородой и длинными распущенными волосами. Его появление сопровождала приятная музыка. Белые одежды развивались словно бы на ветру, хотя никакого ветра нихуя не было, на его плече спала белка, а на руках нежился пушистый енот. Мужик отпустил енота на землю и, про-

тянув ко мне ладони и склонив набок голову, сказал снисходительно:

– Хватит придумывать всякую хуйню, Чан.

Я, конечно, это всё напиздел. Не знаю зачем, видимо, так мне проще справляться со стрессом: всё-таки не каждый день видишь, как старикан отгрызает какому-то бедолаге хуй, а я сегодня видел, как старикан отгрыз хуи как минимум пяти таким бедолагам подряд.

На самом деле, свет, который появился на горизонте, это был свет фар, которые быстро приближались, а пока я выдумывал всю эту хуйню про бородатого мужика, фары эти приблизились достаточно близко, чтобы понять: мне навстречу ебашил конвой грузовиков.

Какие у меня опции? Спрятаться в кустах? Идея неплохая, но с моей стороны нет кустов – только поле, и трава, которой оно заросло, не кажется достаточно высокой, чтобы в ней сныкаться. Можно, конечно, перебежать на ту сторону – там кусты есть, но тогда меня точно заметит ведущий конвой водила.

Хотя нахуй мне прятаться? Я теперь двигаюсь как молния, так что в самом худшем случае мне придётся потратить одну-две минуты на то, чтобы убить пару сотен вояк. Короче, похуй, буду делать вид, что просто стою тут, жду автобус…

Остановился, скрестил руки на груди, нахмурил ебяку, жду.

Грузовики проезжают мимо не слишком быстро, так что у

меня хватает времени их рассмотреть: Угловатые, чёрно-матовые, с нарисованными белыми козьими мордами на дверях.

Тенты откинуты, в кузовах сидят вояки в чёрной форме и железных масках с нарисованными на них козьими рожами. Из глазниц масок тускло светит синим. Я таких мудаков уже видел в недавних глюках. Нихуя себе.

Всего было десять грузовиков. Но, как оказалось, бойцами набиты только пять из них, а остальные пять заряжены здоровенными пластиковыми ящиками.

Наконец мимо меня проехал последний грузовик. Один из бойцов, кажется, пристальнее остальных смотрел на меня, сканируя своими синими фонарями.

– Мамку свою сканируй! – показал хуесосу средний палец. – Ебло, блять, козлячье…

Уёбок ответил мне поднятым вверх большим пальцем. Нравится, видать, когда его унижают…

До деревни дошёл минут через двадцать. Дорога сворачивала вбок и упиралась в окружённую лесом полянку, занятую полуразрушенными и полностью разрушенными заросшими травой деревянными домами.

Примерно в этот момент меня и посетила мысль: а как я, блять, дойду до этой ебучей лесной точки? У меня даже компаса нет…

Остановился, достал карту, развернул. Ёбать меня в сра-

ку… То есть не меня, а кого-то ещё и без моей помощи – я не пидор. Теперь я понимаю, хули старик-то так охал… Карта действительно была сплошь исписана надписями:

"ИДИ СЮДА, СУКА!", "ЕСЛИ ЗАБЫЛ, КТО ТЫ, И НЕ ЗНАЕШЬ, ХУЛИ ДЕЛАТЬ, ТО ПИЗДУЙ СЮДА, ЕБЛАН!!!". "УЗКОГЛАЗОЕ ТВОЁ ЕБЛО, НЕ ТУПИ: ТЕБЕ СЮДА, А НЕ КУДА-ТО ЕЩЁ!!!", "ЕСЛИ ТЫ ВСЁ ЗАБЫЛ – ЭТО НОРМАЛЬНО, ГЛАВНОЕ ИДИ СЮДА!!!", "НЕ УДИВЛЯЙСЯ, ПОЧЕМУ СТАЛ ТАКИМ УМНЫМ И ЛОВКИМ, ТЫ ВСЁ ПОЙМЕШЬ, ПРИДЯ К ЭТОЙ ТОЧКЕ!!!", "ТЫ ДОЛЖЕН ЭТО ЗНАТЬ: ТЫ ТРАХНУЛ МУЖИКА!!! ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ!!! У ТЕБЯ БЫЛИ ЧУВСТВА К НЕМУ!!! ТЫ ПИДОР!!! СТО ПРОЦЕНТОВ!!! ПРИМИ ЭТО!!! ТОЛЬКО ТОГДА ЗАКЛЯТИЕ СПАДЁТ, И ТЫ ВСЁ ПОЙМЁШЬ!!! И ПОМНИ: У ТЕБЯ НЕТ КРОВИ, У ТЕБЯ ПОД КОЖЕЙ МЕТАЛЛ: ТЫ МА".

Почерк, блять, какой-то знакомый… Кривые буквы, пишет только заглавными, хаотичные наклоны, "И" не в ту сторону… Сука, да это же мой почерк!

Но…

Переключил зрение в глюковатое. Мои надписи-комментарии пропали, осталось только: "НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ!".

Нихера не понимаю. Старикан видел реальные записи, а я видел нереальные. Почему? Точнее, какого хуя? И почему я вру сам себе, что трахнул мужика и мне понравилось? Это же пиздёжь. Мне никогда не нравилось ебать мужиков. Хотя,

я и не пробовал, но, блять, сомневаюсь, что это тот случай, когда надо попробовать, чтобы изменить своё мнение, типа как с плесневелым сыром… А я люблю плесневелый сыр. Сука, неужели я реально трахнул мужика??? Ну бляяять....

Хотелось упасть на колени и заплакать. Всё, за что я боролся, всё, ради чего жил – рухнуло. Неужели теперь я стану заднеприводным китайцем, облачусь в эту всю лакированную кожу, прищеплю прищепки с кисточками на соски и буду ебать мужиков, попивая через трубочку смузи из киви и звонко хохоча? Хотя… Киви сейчас хуй найдешь, так что есть ещё шансы на спасение. Да и что за стереотипное представление геев? Уверен, они не такие.

Сука, блять! Ну вот! Началось! Я уже их защищаю…

Так, надо успокоиться. Я не пидор и никогда им не стану.

Ладно, понятно, что я что-то в прошлом неправильно понял, и мне просто показалось, что я трахнул мужика, и мне это понравилось. Опустим это пока. Сейчас важно то, что мне всё-таки надо попасть в этот лес, и не зря, значит, я испытываю такое непреодолимое желание туда попасть, хотя нихуя не понимаю для чего. Ну и теперь я знаю, что забыл всё не внезапно и не случайно: я знал заранее, что так будет. Короче, очень странная хуйня творится, но лучшее, что я могу сейчас сделать: пиздовать в глухой лес к ебучей отметке. Без компаса…

Сука, блять, компаса-то нет…

Ой, да и хуй с ним, что-нибудь придумаю. Что-то слышал

про то, что мох растёт только на севере или что-то типа того. Полярная звезда, листики на лужах, медвежье говно – хуй знает, что это всё значит, но как-нибудь сориентируюсь, я же не еблан – я теперь учёный, дохуя слов знаю. Хотя, если действительно трахнул мужика, то еблан, конечно…

Как оказалось, переживал за компас я зря. В деревне была организована стоянка: засыпанная гравием площадка за домами, у самого леса. Видимо, тут парковались те самые грузовики, потому что кроме как отсюда, они больше не могли ниоткуда ехать. Короче, от площадки в лес уходила тропа. Не широкая – машина там бы не проехала, но вполне себе заметная, и, сверившись с картой я понял: она точно, блять, ведёт к этой самой злоебучей отметке на карте. Ну как точно: скорее всего, блять.

Уже темнело, а шароёбиться по лесу впотьмах не хотелось, так что решил заночевать тут.

Вариантов по ночёвке было немного: спать на улице в надежде, что ночью меня не трахнет бредущий мимо места моей ночёвки медведь, или спать в одном из домов в надежде, что туда ночью не заберётся и не трахнет меня бредущий мимо места моей ночёвки медведь. Короче, выбор был сложный, потому как с одной стороны лучше пусть меня трахнут под звёздным небом, так как-то романтичнее, а с другой – в доме есть маленький шанс, что дырявые стены приглушат звук моих перепуганных воплей в достаточной мере, чтобы их не услышали другие медведи и тоже не подтянулись меня

трахнуть.

Вообще, я не уверен, что медведи любят трахать мужиков, но у меня в подземке был знакомый – Лёха Рыбак, так вот он пиздец как любил рыбу, настолько любил, что первым делом, как оказывался на любой станции, где давненько не бывал, у каждого торгаша выспрашивал, нет ли свежей или хотя бы солёной рыбки. Лёха Рыбак был человеком, который казался всем нам убеждённым, даже радикальным гомофобом, всем сердцем радеющим за целомудрие мужского очка. Короче, кончилась эта история тем, что Лёху застали ебущимся с каким-то бродягой, за банку тушняка. Хотело бы я сказать, что Лёха в те времена бедствовал и даже голодал, и что именно голод и безысходность довёли его до того, что он отдался бродяге в обмен на банку тушёнки, да вот только тушёнку получил бродяга, а Лёха – бродяжью сардельку в своё очко. С тех пор Лёха сменил навес с "Рыбака" на "Шлёп-шлёп", потому что, по слухам, именно с таким звуком яйца бродяги шлёпали Лёху по жопе.

Много голубоватых историй случалось в моей жизни, и странно, как это я сам не стал при таких раскладах пидором, но это я к чему вспомнил-то про Лёху Шлёп-шлёпа: медведи тоже пиздец как любят рыбу, и про них тоже мало кто подумает, что они любят ебать мужиков. Так что если кому-то и кажется, что быть изнасилованным геем-медведем – это маловероятный исход ночёвки на природе, то только потому, что этот "кто-то" нихуя не соображает в медведях.

Короче, решил ночевать в доме, потому что звёздное небо – это для пидоров.

Сказать легче чем сделать: пространство вокруг домов заросло двухметровой крапивой, и пришлось минут десять хуярить её палкой и приминать к земле, чтобы добраться до входа в единственный в деревне не обрушившийся полностью или частично дом. Кстати, по пути я ещё и споткнулся о валяющийся на земле забор и, упав мордой вперёд, обжёг-таки её, морду, о крапиву. Теперь ебло сильно чесалось, и было обидно, потому что я столько сил потратил на то, чтобы такого не произошло.

Добравшись до двери, я подумал вот о чём: едва ли в доме есть отопление, так что нужно позаботиться об этом самому. Пришлось пиздовать к лесу, собирать опавшие сухие ветки, а потом выламывать доски из порушенных сараев. Собрав достаточно древесины, я вернулся к дому и заполз внутрь. Тут было пусто и, кажется, даже холоднее, чем на улице. Стены, обитые фанерой и обклеенные поверх обоями. Обои от старости и сырости превратились в жёлтые лохмотья. По середине комнаты каменная печь, пол засыпан землёй или ушёл под землю – хуй его знает, но ставлю на второе, потому что потолок с торчащими в месте, предназначенном для люстры, проводами почти касался моей макушки, а я ведь китаец, то есть точно нихуя не высокий.

Сложив дрова на полу и нарвав кусков сухой бумаги с обоев для растопки, я вспомнил, что мне нечем разжигать ко-

стёр. Нет ёбаных спичек или зажигалки.

Ну что ж, я тратил и больше времени на никому не нужную хуйню… Почему-то подумалось о капитане и о нашем совместном походе хуй знает куда, чтобы закопать кости его кореша.

Сел в уголке, где мне, казалось, будет потеплее.

Показалось. Потеплее тут нихуя не было. Достал банку тушняка, вспомнил о медведях, о том, как Лёху трахнули за примерно такую же банку. Поёжился. Достал сыр и яйца, открыл ножом тушёнку, принялся задумчиво точить.

Чё там я себе написал, кроме признания в пидорстве?

Обтёр руки о штаны, развернул карту.

А, вот оно, точно:

"И ПОМНИ: У ТЕБЯ НЕТ КРОВИ, У ТЕБЯ ПОД КОЖЕЙ МЕТАЛЛ: ТЫ МА".

Схуяли у меня нет крови? Какой нахуй металл? Какой нахуй "МА"?

Блядство, неужели я действительно такой еблан, когда со стороны смотришь? Вот первый раз столкнулся с собой, словно я это не я, а какой-то другой хуй, и охуеваю, насколько я был тупым, когда писал это говно. Нельзя что ли без шарад ёбаных написать? "МА", блять. Что за, нахуй, "МА"? Аббревиатура какая-то? Типа

М

огучий

А

риец? Вряд ли, блять, – я ж китаец… Или Мастер Афоризмов? Вот это уже возможно: в последнее время я явно поднаторел в науках.

Ну вон, блять: "поднаторел"… Откуда это говно из меня лезет?? Хотя стоп… МА…

Да я же просто не закончил фразу.

МА – это машина…

"У тебя нет крови, у тебя под кожей металл, ты машина".

Сука…Так вот в чём дело… Я переключаю зрение с глючного на не глючное, у меня в башке словно супер-компьютер, который знает все задротские словечки, я двигаюсь с невероятной скоростью… Я машина…

Видимо, поэтому я и потерял память…

Настоящий Чан погиб. Ему пробил башку счетовод, но кто-то, возможно, капитан, с помощью каких-то распиздатых технологий, спрятанных в белых стенах, перенёс моё сознание в машину. Возможно, мой разум отторгал тело машины, и тогда для меня создали человекоподобное тело, обтянув синтетической кожей.

Теперь мне всё понятно. Я робот.

Но как я оказался тут? Почему со мной нет капитана? Почему я написал записку сам себе? Видимо, что-то в моём синтетическом сознании пошло по пизде, и я знал, что так будет. Я знал это заранее.

Готов поспорить, что в лесу меня ждёт какое-то устройство, которое позволит мне починить свои чипы, или что-там за хуйня у меня в синтетической башке, и всё вспомнить.

Теперь я всё знаю…

Глава Б7. Обезьяновый двигатель

– Крыса, блять, ёбаная! Пиздабол обоссаный! Падла, гандон, хуеплётная мразь! Что б ты, сука, сдох!

Я орал уже минут десять, пытаясь остановить кровотечение собственной майкой. Несмотря на все мои старания, кровь хуярила и хуярила. Утро, короче, заебись, началось.

Как всё было. Всю ночь я замерзал, как забытый в ванне с пеной пидорас. Вжимался в угол, крепко прижимая к себе обрез, с выпученными глазами, боясь даже, блять, моргнуть, вздрагивая при каждом новом треске веток, в ужасе представляя, как к дому подкрадываются, раздрачивая шерстяные елдаки, медведи-насильники. И когда я говорю "вздрагивая при каждом новом треске веток", я имею в виду реально, блять, при каждом, а тут, пиздец как дохуя трещащих веток – вокруг ёбаный лес потому что, так что вздрагивания быстро превратились в нехуёвую дрожь, от вибрации которой, я постоянно отъезжал из угла комнаты в середину, словно вибрирующий телефон по столу. Кто-то заметил бы, что в постапокалипсисе нет телефонов, и откуда мне, блять, знать, как двигается ебучий вебрирующий телефон по злоебучему столу. И я ответил бы пидорасу: «Да, в постапокалипсисе нет телефонов, но есть, блять, фильмы на DVD, в которых постоянно, блять, ездят обоссанные телефоны, по обоссаным

столам, от ёбаной вибрации».

Кто-то так же мог бы заметить, что я много и однообразно ругаюсь матом, даже у себя в голове, в собственных мыслях. Таким телепатам я сказал бы вот что: «Сосите, блять, хуй. Спасибо».

Сука, откуда у меня это постоянное ощущение, что я поэт, пишущий драматическую поэму, а не ебучий, раскаченный донельзя, роскошного вида китаец, выживающий в нахуй пизданувшемся мире? Зачем я общаюсь с несуществующими зрителями? Никто не следит за мной, никто не видит, как я тут драматически охуеваю… Одиночество. Ёбаное одиночество. И почему мне похуй на это? Потому что я охуенный китаец, и мне в хуй не упёрлись зрители, чтобы создавать потрясающую поэтическую драму из собственной жизни. Каждое моё действие – движение кисти по холсту жизни: я не живу – я создаю эпическое полотно, которым целую вечность будет восторгаться единственный, кто его увидит: господь бог.

Тем временем кровь продолжала хуячить, и я, походу, ненадолго отрубался. Надо срочно что-то делать. Быстро вытаскиваю из ботинка шнурок, – ну, настолько быстро, насколько это можно сделать одной рукой. Плотно обматываю клешню повыше, над раной. Кажется, помогло. Принимаюсь резать майку на длинные лоскуты – она вся промокла от крови, но это сейчас похуй, наверное. Плотно забинтовываю руку несколькими полосками окровавленной тряпки.

Вух… вроде получше стало, хотя с такими бинтами хуй поймешь притормозил я кровотечение или нет. Надеюсь, помогло, короче…

Облокотился на стену, устало выдохнул, вытянул ноги.

Вот же ж сучья падла… Как я мог в это поверить? "У тебя нет крови, блять". "У тебя под кожей металл, блять", "Ты машина, блять".

– Хуешина, блять! – пришлось выругаться вслух, чтобы хоть чуть-чуть стравить давление от нахлынувших эмоций.

Я себе руку расковырял до самой кости и могу сказать с уверенностью: у меня пиздец как дохуя крови, и нихуя нет никакого ебучего металла под кожей.

Вот нахуя я решил проверить это говно? И почему не остановился, когда ткнул себя в руку и выступила кровь? Понятно же было, что пиздёжь какая-то, или метафора или ещё какая ебня, но точно не правда. Нет же, я решил, что кровь может быть чисто декоративной, типа для вида, просто тонкая кровавая прослойка под кожей, чтобы обмануть врагов, захотевших убедиться, что я не робот, а человек. Короче, доковырял в итоге до самой кости и, видимо, задел какую-то артерию или хуй его знает. Больно было – пиздец, если честно. А теперь больно сердечку от мысли, какой я всё-таки тупой еблан. Иногда…

В глазах резко начало темнеть. Я отрубился.

***

Стою посреди капитально разъёбанной войной улицы.

Выбитые окна, частично обвалившиеся стены, раскуроченные машины и асфальт, выбоины и ожоги от снарядов, пуль, взрывов. Мёртвые солдаты в форме козлиномордых и ещё какие-то другие. Другие одеты в странную белую форму с чёрной бронёй, а поверх этого всего ещё и длинные чёрные сутаны с кожаными накидками на плечи. Чёрные сапоги украшали шпоры, – серебряные, золотые, разные, – хотя, лошадей тут нигде не было. На ебальниках у многих были тактические маски – я о таких слышал: нафарширована разной охуенной электроникой: сканерами, ночным видением, фонарями, чем угодно. Короче, больше всего они походили на каких-то воинствующих святош, знавших о современной броне и тактических масках, но в душе не ебавших, что такое колёсный транспорт, оттого катающихся на ебучих лошадях (правда, лошадей тут я не видел, но по-другому объяснить наличие шпор не могу).

Рядом со мной стояла здоровенная четырёхрукая шаговая машина. Она была старая, к хуям проржавевшая, повидавшая не одну заварушку, и её неистово трясло, словно что-то огромное очень хотело выбраться наружу. Но люк на морде был опущен, внутри кабины было пусто, так что я терялся в догадках…

– Она на живой тяге… – услышал я хриплый, слабый голос.

Повернул голову. Недалеко от меня лежал один из вояк в сутанах, только на этом была тёмно-серая форма, да и сутана

выглядела какой-то более выёбистой что ли. Явно офицер или какой-то важный хуй.

Рожа офицера была обстоятельно раскурочена: дыра на месте правого глаза, нос снесло к ебеням, череп деформирован, щека и губы разорваны, нет одной кисти и ноги. Форма на груди разорвана, броня валяется неподалеку: видимо, он сам её сорвал, почувствовав жар или типа того. На груди мужика была вытатуирована угловатым шрифтом надпись: "Если ты существуешь – останови меня".

– Она на живой тяге… – снова повторил он, – внутри… гориллы.

– Хуиллы… Ты что, блять, за хуй?

– Елисей Ма́ршак… Епископ четвёртого ряда… Чёрное… Духовенство… Надо вколоть… им… транквилизатор…

Голос его слабел с каждым словом. Мужик явно качурился.

***

Резко открываю глаза, словно меня ёбнули адреналином в сердце.

Первая мысль: откуда я знаю, как чувствуешь себя, когда ёбнули адреналином в сердце? Вторая мысль: кто такой Елисей Ма́ршак, и нахуй он мне приснился? Третья мысль: где я, блять?

За следующие минуты две мне удалось найти частичный ответ только на один из вопросов – на третий: я был в ебучем

доме, хуй знает где. Вырубился от потери крови, видать.

Чувствовал себя неплохо, даже почти охуенно, если не считать, что рука жутко ныла. Шнурок с руки кстати сполз, пока я спал: видимо, развязался. Попробовал подвигать пальцами: шевелятся. Заебись. Хуясе я лекарь…

Короче, теперь знаю, что я нихуя не робот, и что пиздато лечу любые раны. Не знаю, что делать с этой информацией, так что пора отправляться в лес – искать эту ебучую точку на карте.

Честно говоря, уверенности в том, что я иду верным путём у меня не было. То есть хуй его знает, в нужном ли направлении шла лесная тропа: вполне возможно, она уходила под углом в сторону от отмеченного места или обрывалась, не доходя до него, или вообще была протоптана не козломордыми вояками, а медведями-насильниками, которые, как на работу ходили ебать неосторожно приночевавших в деревне вояк.

Но это как бы хуй с ним: понятно, что за компасом возвращаться в посёлок деда-членоеда я не буду: уж лучше сначала схожу тропу разведать, и вот если она никуда не приведёт или приведёт к медвежачей берлоге, тогда попиздую обратно в поселение – искать ебучий компас.

На этот момент я хуячил по тропе уже часов пять минимум, и только сейчас меня посетила мысль: а сколько вообще ещё идти? То есть точку на карте я вижу, но сколько до

неё добираться – хуй его знает.

Достал карту, развернул. Хм… Куда там тыкал дедок?.. Вот сюда, вроде… Или сюда?.. Короче, получается, что по лесу мне идти примерно… Дохуя. Реально дохуя. По-моему, хуячить придётся дольше, чем я уже прохуячил от самого автобуса…

Ёб его мать, может, хуй с ним? Кажется, я уже находился на ближайшие лет десять, да и очень сомневаюсь, что там меня ждёт что-то стоящее, потому что "что-то стоящее" не будут ныкать хуй знает где. Кто-нибудь вообще видел магазин охуенных тортов, спрятанный посреди ебучего леса? Нихуя. Ныкают обычно самоё хуёвое, что никому не хотят показывать: страшноёблую дочку, жирную жену, кота с порванной жопой… Так что там точно какая-то стрёмная хуета, в точке этой. В лучшем случае мне разобьют ебальник и заберут снарягу какие-нибудь бандосы. А чё? Это хитрые пацаны: я сам по молодости был криминальным элементом, и охуеть можно, что я, блять, выдумывал, чтобы выпотрошить рюкзачок очередного лоха.

Короче, наверняка, какие-то криминальные элементы меня обработали. Выцепили в городе, заманили в подвал какой-то под надуманным предлогом, связали, под пытками заставили на карте этой послания себе убедительные оставить, потом вкололи какую-то отраву, чтобы я память потерял, затем выкинули на улицу, а сами в лесное логово отправились – меня ждать, чтобы я по собственным письменным навод-

кам в их логово пришёл, решив, что там что-то заебатое меня ждёт. Но вместо "чего-то заебатого" получу я шилом в аорту, ёбнут, и лишусь ценного имущества.

Конечно, можно было бы у меня все вещи забрать там же, в подвале, где меня связанного пытали, а не тратить ресурсы на выдумывание хитрожопого плана с отравой, но братва славится предприимчивостью, а не умом, так что пацаны вполне могли и не додуматься до более простого решения.

С другой стороны, с нынешними способностями пару десятков грабителей я поломаю, даже не выдохнусь, так что похуй – пойду всё-таки проверю, что там на карте отмечено.

Принял решение бежать. Я теперь человек умный, профессорского склада ума, так что рассудил так: чем быстрее двигаешься, тем быстрее достигаешь нужной точки. Это математика. В общем, расстояние было большое, и бродить по лесу неделями мне в хуй не упёрлось: надо решить вопрос с точкой на карте максимально быстро, а потом заняться более интересными делами, например, забуриться в какой-нибудь кабачевич и пожрать нормального горячего хрючилова, а потом задушить кого-нибудь нахуй, чисто по приколу.

Короче, я побежал. Как ни странно, теперь я почти не уставал. То есть уставал, но усталость эта словно останавливалась в своём развитии, упираясь в какой-то искусственный барьер: я уставал примерно на девяносто процентов, но нихуя не уставал на сто, до той степени, когда падаешь без сил ебальником вперёд, не имея сил бежать дальше.

Бежал я долго. Часов хуй знает сколько. Уже подумывал не сбегать ли всё-таки за компасом, раз я теперь такой марафонец нехуёвый, но впереди забрезжил свет: деревья редели.

Наконец-то, блять.

И вот, выпрыгиваю из-за последнего ряда деревьев и оказываюсь…

На ебучей посадочной площадке НЛО…

Вооружённые лазерными бластерами зеленоёблые инопланетяне энергетическими цепями затягивали на свои летающие тарелки упирающихся и жалобно зовущих на помощь человеческих самок, чтобы увезти их на свою планету для проведения негуманных экспериментов.

В следующий миг я перестаю пиздеть и рассказываю, как было на самом деле:

Стою на ёбаном поле, тут нихуя нет, кроме ебучей травы, в которой вытоптана дорога вперёд, в центр поляны.

Я ещё немного прошёл вперёд и остановился, увидев, что дальше, у центра поля, дорога обрывается.

Охуенно.

Ну что ж… Это было интересное путешествие, но пора возвращаться домой. Конечно, возможно, я должен отыскать на этом поле магический цветочек, съеденный лепесток которого вернёт мне память, но мне пиздец как в падлу этим заниматься, да и вообще, память-то я потерял за небольшой отрезок жизни, и, судя по флешбекам, нихуя вменяемого там не приключалось, так что… Хуй я клал на эти воспомина-

ния. Сейчас посижу часок, а потом попиздую обратно, чтобы выйти из этого злоебучего леса до те… Стоп. Что это за хуйня там?

Что-то темнело не очень далеко впереди, там, где заканчивалась дорога.

Подошёл ближе. Это оказался люк. Тёмный стальной люк примерно два на два метра. Хотя, может, и не люк: ни петель, ни ручки, ни замочной скважины нет. Хуй знает почему я вообще решил, что это люк – больше похоже на лист железа, лежащий на земле.

Попробовал поднять. Нихуя. Оказалось, что лист лежит на бетонном основании. Короче, говорил же – это ёбаный люк, просто видать петли у него изнутри, а не снаружи.

Теперь я знаю, что это, осталось придумать, как "это" открыть.

Я пинал его, подковыривал ножом, тянул руками, стучал, притворялся заблудившейся женщиной и умолял пустить погреться – всё тщетно. Люк не открывался. Заебавшись, я отошёл на пару метров в сторону, туда, где по траве не ходили грязными сапожищами, и прилёг отдохнуть. Точнее хотел прилечь, но неприятно уебался затылком во что-то твёрдое. Слёзы потекли из глаз. Я вскочил и развернулся, приготовившись как следует уебать камню, меня обидевшему.

Но там был не камень, а панель. Панель из пиздецки странного, но очень знакомого белоснежного материала…

Я не смог справиться с желанием протянуть руку и потрогать эту странную штуку.

Тёплая…

Раздалось шипение: словно где-то сработала гидравлика. Я резко обернулся. Стальная дверь люка стояла открытой…

Глава Б8. Банановый домофон

Поразительно. За этим люком было то, ради чего действительно стоило пешкарусом ебашить целый день через ёбаный лес… Во всяком случая, я надеялся на это, пока шёл до открывшегося в земле отверстия.

Внутри оказалось просторное, ярко-освещённое квадратное помещение, заставленное знакомого вида пластиковыми ящиками…

Точно. Такие я видел у козлоёблых вояк в грузовиках. Вниз спускалась металлическая лестница, а значит уже через секунду по ней стал спускаться я, надеясь, что в ящиках окажутся как минимум крутейшие стволы и умные гранаты, тёплые куртки, нормальный хавчик и квадроцикл, чтобы не возвращаться обратно пешком.

В половине ящиков было точево: овощи, фрукты, мясо, консервы, подсолнечное масло, соль; в других пряталось всякое научное и околонаучное говно: микросхемы, непонятные устройства, колбы, хуёлбы, ноутбуки: ничего из этого не было похоже на оружие, во всяком случае на такое, для использования которого не нужно быть профессором в области всякой непонятной научной хуйни, а я хоть и стал умным образованным мужиком, но не был каким-нибудь ебучим задротом, так что даже пытаться вникнуть в принцип

действия чего-то из этого говна не стану. Хотя…

Я взял коробку с какими-то странными закрученными колбами и хуйнул об стену. Они с истеричным звоном разъебались. Кажется, что делать конкретно вот с этим говном я разобрался, хули…

Короче, резюмируя: из того, что можно забрать с собой, в ящиках я нашёл только хуёвые мысли о том, что ебашить мне сегодня обратно на своих двоих, замерзая от холода. Ну, хоть бананов пожру…

Пока жрал бананы, которые оказались очень свежими, несколько раз обошёл помещение, но не нашёл ни дверей, ни стыков, ни чего-либо, что указывало бы на наличие прохода куда-то ещё. Складывалось впечатление, что я попал в ёбаный лесной ящик для хранения еды и научной странной ебанины. Может, козлоёблые не хотели хранить это всё под открытым небом? Типа, боялись, что зверьё растащит? Хуйня: зверьё, конечно, может спиздить яблоки, но нахуя им ноутбуки? Да и вообще, нахуй всё это ныкать в лесу, за пятьдесят километров от дороги?

Стоп. Может быть, это…

Вылез на поверхность и огляделся. Ну точно, блять, вытоптанная тропа не кончается тут, просто сильно сужается. Словно до сюда груз тащила толпа из сорока человек, а дальше заёбывалась только парочка неудачников.

Так, блять, сейчас сыграю в детектива. Козлоёблые притаскивают сюда ящики с разной хуйнёй и меняют на ящи-

ки с другой разной хуйнёй. Видимо, обмен происходит тут. Что козлоёблым может понадобиться в лесу и ради чего они проебашат пятьдесят километров? Хуй знает. Раз хуй знает, значит в уравнении это будет неизвестным, то есть X. Получаем уравнение: козлоёблые минус ящики с хавчиком и научным говном, равноX. Не знаю нахуя я это уравнение придумал, так что просто пойду дальше по тропинке и посмотрю, кто там живёт. Только захвачу ещё бананов. Развернулся, взял с кровати кожаный пояс с ножами – в ножнах их было семнадцать: одно место было пустым. Сука, надо его найти.... Отложил пояс, поднял подушку, прощупал одеяло – нету.

Услышал за спиной скрип двери, резко обернулся. В дверях тесной комнатушки стояла голая тощая старуха с кучей грубо пришитых к телу отрубленных синюшного цвета рук. Хотя, не только пришитых: тут были ещё и гвозди – видимо, она вбила их прямо себе в рёбра и примотала к гвоздям некоторые нитки, чтобы руки не висели на одной лишь её и без того обвисшей от старости коже. Руки эти безвольно болтались – шевелить ими она, разумеется, не могла, – но додумалась примотать к ладоням синей изолентой разномастные ножи. Старуху колотило ознобом: плоть вокруг швов и вокруг хуй пойми откуда взявшихся многочисленных резанных ран на ногах, гнила, – жить бабуле явно осталось недолго. Среди ножей я узнал один… Его-то я, блять, и искал.

– Оплодотвори многорукую Сестру Боли или умри страш-

ной смертью от тысяч кровоточащих ран, оставленных её кинжалами… – просипела старуха, смотря на меня ничего не выражающими подёрнутыми беленой глазами. – Ей нужен сын, чтобы съесть его или дочь, чтобы забрать себе её руки…

– Бабуля, блять… – покачал головой я. – У тебя и так более чем дохуя рук. Давай не будем нагнетать: просто отдай мне вон тот ножичек, и я пойду поищу-поспрашиваю: мало ли кто из соседей как раз давно тайно мечтает трахнуть гниющую заживо ёбнувшуюся в край подслеповатую старуху…

– Узри же танец тысячи ножей… Познай ярость Сестры Боли и пределы своих страданий…

И старуха медленно двинулась на меня, крутя телом из стороны в сторону, из-за чего вместе с её мерзкими обвисшими старческими сиськами мотались и руки с ножами. Не скажу, что это выглядело опасно: скорее максимально пизданутo, но да – мрачновастенько… Ножи трепыхались из стороны в сторону, периодически разрезая её собственную плоть – теперь я знал, откуда взялись раны на ногах: ёбаный "танец тысячи ножей".

Ладно, по-хорошему не получилось, сейчас покажу тебе свой танец с ножами… Повернулся к кровати. Передо мной высится открытый люк в земле, вокруг поле и леса…

Опять приглючило, блять… Ладно, пора возвращаться к своему злоебучему походу.

Идти пришлось долго. Чувствовал, что солнце уже уходит. Оказаться ночью в лесу – это пиздец как стрёмно, так что

мне пришлось бежать, в надежде, что скоро приду к логову козлоненавистников (уверен, они ненавидят козлоёблых, иначе почему заставляют выгружать ящики с хавчиком хуй знает где и готовы в такую даль за ними ходить?).

Честно сказать, вид деревьев уже заебал. Деревья, деревья, деревья, деревья… Я уже был готов убить кого-нибудь за возможность увидеть хотя бы ёбаную ржавую консервную банку – настолько мне остапиздил вид злоебучих деревьев.

И вселенная, как всегда, оказалась ко мне благосклонна: внезапно я увидел на деревьях краску. Не консервная банка, конечно, но хотя бы что-то…

Многие деревья были окрашены кольцом тёмной краски. Эти окрашенные деревья словно создавали границу, отгораживающую одну часть леса от другой. Странно: на кой хуй кому-то красить деревья посреди леса? С другой стороны, чем ещё, блять, заняться посреди ёбаного леса?

Не тратя больше времени на размышления, перешёл границу и продолжил свой забег хуй пойми куда.

Вскоре я начал подмечать некоторые странности, появившиеся очевидно сразу за границей из покрашенных деревьев. Кости. Человеческие кости. То от руки, то от ноги, то кусок челюсти, то целый череп. Затем стали попадаться трупы посвежее, хотя явно лежавшие тут пиздец как давно. В конечном счёте я увидел даже парочку относительно свежих трупов: старика и старуху, один в брюках и клетчатой рубашке, а другая в сарафане в цветочек. Следов насильственной

смерти на них вроде не было… Может, они тоже пришли искать отметку на карте, и тоже не рассчитали, как долго придётся сюда пиздовать? Или заблудились? Хотя, как можно, блять, заблудиться, если тут есть ёбаная тропа… Короче, походу, я попал на какое-то лесное кладбище или в заповедник каких-то пизданутых маньяков, которые кормят белок людьми…

Разумеется, я продолжал путь несмотря ни на что. Подумаешь, наткнулся на горы трупов, рассыпанных в глубине леса: и не такое в жизни случается. Наверняка, это просто совпадение. Или медведи насильники…

От последней мысли я поёжился. В общем, понятно, что гадать смысла нет – ответы я выбью у тех, кого, несомненно, найду в конце этой лесной тропы.

Наконец кладбище под лесным небом закончилось. Закончилось оно той же границей из окрашенных деревьев. После окрашенных деревьев я не увидел ни единой косточки. Странная хуйня, если честно.

Не знаю, сколько я ещё пробежал, но не больше получаса, как мне кажется. Лес снова поредел, впереди забрезжил свет, и вот я снова на ёбаной поляне, только теперь не пустой, а с очередным явно заброшенным посёлком. Двухэтажные многоквартирные деревянные дома, заросшие травой. Многие обвалились, на некоторых я видел следы выстрелов: судя по всему, когда-то очень давно тут случилась нехуёвая заварушка…

Заходить в посёлок я не стал, но приметил один из домов: я вернусь сюда, если не найду что-то поинтереснее до темноты. А до темноты осталось совсем недолго: сейчас, выйдя из леса, я видел, что солнце уже едва выглядывало из-за деревьев.

Короче, забил хуй на посёлок не просто так, а потому что тропа по которой я шёл огибала его слева. Обойдя посёлок, – кстати, от нехуй делать посчитал сколько в нём было домов: тридцать, – я увидел, что тропа тянется к лесу, где на двух деревьях, по сторонам от входящей в него тропы, висят белые тряпки.

И вот я снова в ебучем лесу… Как же он меня заебал…

К счастью бежать пришлось недолго, потому как совсем скоро дорогу мне преградил высокий, метра три, деревянный забор. Ближайшие к нему деревья были спилены.

– Аллё, блять! – крикнул я. – Есть кто дома? Доставочка для вас!

Тишина. Я прошёлся в одну сторону от забора, затем в другую, но так и не нашёл калитки. Вернулся обратно и стал думать, хмуро смотря на забор, словно профессор, смотрящий на сложное уравнение, написанное на меловой доске…

Хотя, хули тут думать-то? Я же теперь ловкий, как росомаха, – сейчас разбегусь и перепрыгну этот ебучий забор нахуй.

Взял разбег, прыгнул на забор, хотел оттолкнуться от него ногой и прыгнуть ещё выше, чтобы ухватиться за верхнюю

кромку, но нога соскользнула, и вместо второго прыжка я влепился ебальником в забор.

Упал на жопу. Послышался скрип. Кусок забора приоткрылся…

Оказалось, что в заборе была скрытая калитка…

– Так и знал, сука… – самообманулся я, недовольно потерев саднящий ебальник.

Зайдя за забор, огляделся. Рядом с калиткой стояла трухлявая лестница, криво сколоченная из деревянных перил и, кажется, ступеней.

Живо представил, как какой-то тупой еблан, полдня искал материалы и сколачивал эту лестницу, чтобы перелезть забор и узнать, что всё это время в нём была незапертая дверь. От мысли, что тут, возможно, проходил куда больший дебил чем я, стало тепло на душе.

За забором оказался… Снова лес.

Сама идея отгородить одну часть леса от другой казалась мне вполне здравой: как я уже говорил, в лесу едва ли можно найти дохуя интересных занятий, так почему бы не отвлечься от нахуй никому не нужной покраски деревьев и не захуярить бессмысленный забор?

Хотя, может, кто-то жадный хотел, чтобы вот этот здоровенный кусок леса был только его и только он мог собирать тут грибы? Собственно, на мотивацию строителей забора мне внезапно оказалось совершенно похуй, так что я, поправив рюкзак, пошёл дальше.

Идти пришлось недолго: вскоре я, вот уже в третий раз за день, вышел из ебучего леса. Отличие этого выхода от других было лишь одно: в этот раз я действительно охуел от увиденного.

Белые стены. Такие же, как и в моём родном городе. Высокие, – не ниже любых деревьев в лесу, – кольцом окружали, скрыв от посторонних глаз, площадь не меньше той, что занимал предыдущий посёлок с тридцатью двухэтажными домами. Стены белоснежные, гладкие, словно светящиеся, хотя солнце уже скрылось за деревьями, и его лучи точно не попадали на них. Вокруг стен стояли дома. Много домов. Деревянные, кирпичные, хуй знает ещё какие, но в основном небольшие, одноэтажные. Выкрашенные заборы, аккуратные грядки, почищенные дорожки – всё указывало на то, что этот посёлок жилой. Вот только никаких людей я тут не видел.

Пока шёл к домам и пока заглядывал в окна, не находя внутри никого живого или мёртвого, поразмышлял над ситуацией.

Теперь понятно для кого козломордые притащили еду: для этих вот деревенщин, которые куда-то съебались. Хотя почему "куда-то"? Вариант тут, собственно, только один: за белые стены они съебались. Но зачем? Может, на ночёвку? Видимо, забор этот не просто так тут стоял: местные кого-то боялись. Кого-то, кто не умел пользоваться дверьми – хуй знает, как ещё объяснить отсутствие засова на калитке. Де-

ревянный забор защищал их днём, а белые стены – ночью. Получается, что те трупы и скелеты, которые я видел— всё это боевые потери. Сука, видать там нехуёвая какая-то заварушка происходила… Хотя блять, я не видел на покойниках следов ранений, а в "нехуёвых заварушках" их всегда хватает…

Короче, теперь понятно, куда я шёл: вот к этим вот белым стенам. И теперь есть только одна не очень хорошая новость: я в душе не ебу, как за эти ёбаные стены попасть.

Следующий час я потратил на то, чтобы несколько раз обойти стены по кругу в поисках двери или люка, или домофона, или любой хуйни, которая позволит мне попасть внутрь. Я достаточно знал о подобных хуёвинах, – ведь у меня в городе была такая же поебота, – и помнил, что их нет смысла пытаться распилить, прострелить, взорвать и даже перелезть сверху. В последнем случае воздух будет накаляться, пока ты не вспыхнешь, как ёбаная свечка. Да и пролетая сверху, говорят, видишь только ёбаную дымку, не позволяющую увидеть, что там внутри творится, а попытки что-то туда сбросить, заканчиваются превращением в пыль того, что туда сбрасывали. Короче, эта хуятина была защищена от любого проникновения.

В общем, придётся, походу, ждать утра, и, когда местные начнут каким-то неведомым пока мне способом выходить из-за стен, чтобы полоть ебучие сорняки на своих ебучих грядках, проникнуть внутрь.

Приметил скамейку у ближайшего дома и решил посидеть немного – устал чёт… Потом поищу есть ли тут дрова, а главное спички, и разведу костёр, чтобы не мёрзнуть снова всю ночь. И двери ещё к хуям замурую с окнами, чтобы никто не подкрался, пока сплю, и не трахнул.

Присел, вздохнул, увидел какую-то табличку на длинном шесте, воткнутую неподалеку от меня в землю. Она была отвёрнута от меня, так что я не знал, что на ней написано и написано ли вообще что-либо. Протянул к ней руку. Далековато. Хуй с ней.

Посидел ещё.

Любопытство нарастало, но его было ещё недостаточно, чтобы заставить себя встать.

Наконец, минут через пять, я, человек по натуре любознательный, сдался. Встал, подошёл, развернул.

"В благодарность Лучшим, которые никогда не вернутся, но не будут забыты теми из нас, кто был вынужден остаться, чтобы защитить их. И пусть вашим домам суждено пустовать, но пока мы живы – они будут стоять. Мы живём ради вас и всегда будем это помнить."

Ну пиздец… Нагнали, блять, тумана.

Теперь нихуя не ясно, есть ли теперь смысл ждать кого-то утром, понятно только, что эти дома – какие-то ебучие экспонаты, и очень вряд ли внутри есть ёбаные спички, что в свою очередь значит, что мне снова придётся мёрзнуть всю ночь. Сука, блять, ебучая....

Погоди-ка… А ведь капитан открывал проходы в стенах в лёгкую, просто кладя на них ладонь. Чем я хуже? Он, конечно, говорил, что они не откроются, если хуй пойми кто их тронет, и что только те, в ком течёт кровь Лучших, могут лапать стены эти ебучие и открывать проходы, но он говорил, и что не пидор, так что вполне мог напиздеть и по поводу стен. Во всяком случае там, в поле, люк от моего прикосновения открылся. Может я не "хуй пойми кто"?

Подошёл к стене и смело положил на неё ладонь.

Нихуя…

– Да ёб вашу ж мать… – начал было недовольно ругаться я, но в следующий миг из стены вылезла белая рука и крепко схватила меня за предплечье. Не успел я охуеть от произошедшего, как ещё одна рука схватила меня за второе.

– Пора вспомнить, Чан, – сообщило белоснежное ебало, выплывшее из стены прямо перед моей узкоглазой рожей.

Белоснежный хуй потащил меня в стену, я нырнул в неё, словно в густую холодную сметану. Глубокий вдох, ледяная тягучая жидкость заполнила лёгкие, перед глазами стояла белизна.

"Хорошо, что не голубизна" – подумал я и потерял сознание…

Глава A1. Шестое чувство

Дверь за нами резко закрылась. Включилась сирена: тревожные протяжные гудки с интервалом в несколько секунд. Освещение истерично запульсировало красным.

– Что это, блядь? Сигналка сработала? – я поднял оружие, приготовившись к… Хуй знает к чему приготовившись, но точно к чему-то хуёвому, потому что такая блядская светомузыка нихуя не появляется по какому-то пиздатому поводу.

– Скорее всего… – согласился капитан. Он хотел было сказать ещё что-то, но осёкся.

Сначала я хотел въебать ему прикладом, чтобы он больше не осекался от нехуй делать в подобные напряжённые моменты, но потом услышал где-то вдалеке голос и понял, что причина осечься у капитана была. Прощён, хули.

Голос нечеловеческий. Точнее, человеческий, но… Короче, словно запись из множества голосов разной громкости, где от каждого голоса взяли одно слово, а затем склеили все вместе.

– Четыре, восемь, шестнадцать. Тридцать два, сорок, пятьдесят, сорок шесть, восемнадцать, девяносто, тридцать восемь, четырнадцать…

Голос быстро приближался. Очень быстро: если бы озвучиваемые числа шли в порядке увеличения, я бы решил, что

он считает калории, нещадно сожжённые при столь охуевшем беге.

– Что это, блять, такое? – напряжённо спросил я.

– Хрен его знает, – ответил капитан, тоже поднимая пушку на изготовку. – Но мне это не нравится.

Ещё бы ему это нравилось: кому вообще, блять, понравится оказаться в запертом коридоре, где воет сирена, и слушать, как к тебе несётся неведомая хуета, яростно выкрикивающая цифры разными голосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.